

АННА МАЛЫШЕВА

Трудно допросить
собственную душу

Издательство «Астрель»

Анна Витальевна Малышева

Трудно допросить собственную душу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119574

Трудно допросить собственную душу: роман / Анна Малышева: АСТ,

Астрель, Хранитель; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-030242-0, 978-5-271-11519-6

Аннотация

Ради мести можно пойти на ПОДЛОСТЬ... Ради любви можно пойти на ПРЕСТУПЛЕНИЕ... На что же можно пойти ради СЧАСТЬЯ РОДИТЕЛЕЙ?

...Странный, запутанный клубок чувств и эмоций, в котором переплелись ТРИ СУДЬБЫ – сильной женщины, ненавидящей бывшего мужа, юной модели, не желающей мириться с ролью любовницы, и девочки, пытающейся помирить отца и мать... Все они СТОЯТ НА ГРАНИ. Кто-то из них готов грань ПЕРЕСТУПИТЬ...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	74
Глава 4	117
Глава 5	150
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Анна Малышева

Трудно допросить собственную душу

Глава 1

Она выбрала удобную позицию для наблюдения – выбрала уже неделю назад, когда в первый раз пришла сюда следить за квартирой. Но теперь ей казалось, что место неудачное, ее увидят... Увидят соседи – вдруг кто-то выйдет на площадку, и тогда весь план провален. А может быть, какая-нибудь любознательная бабка уже смотрит в глазок и сейчас откроет двери и сладким голосом спросит: «Лизочка, а ты что тут делаешь?» «Самое худшее, – сказала она себе, – что меня все тут знают. Меня сразу найдут. Я сошла с ума, раз пришла сюда! Половина девятого. Где же они?!»

Ей послышался какой-то шум площадкой ниже. Сперва, не совладав с собой, она отпрянула назад, прижалась к стене. Потом приказала себе быть смелой, сделала маленький шаг вперед и посмотрела вниз сквозь шахту лифта. Дом был старый, и лифт был допотопный – деревянная кабина ездила вверх-вниз по лестничному проему, окруженному проволочной сеткой. На лестнице было сумрачно, и если бы кто-

то внизу поднял случайно голову, он не увидел бы Лизу за такой «вуалью». Но никого не было. Руки у нее тряслись, она поспешно открыла большую кожаную сумку, висевшую на плече, и проверила, не забыла ли перчатки. Нет, вот они – черные, шелковые, перчатки роковой женщины, перчатки воровки. «Я им всем покажу! – сказала про себя Лиза. – Подожди, мерзавец, подожди... Даже если меня засекут, ты меня не посадишь, нет... Побоишься скандала, захочешь быть чистеньким... О, сейчас тебе просто необходимо быть чистеньким, ты сейчас просто ангел небесный... А ангелы в суд не подают – они прощают, и ты простишь!»

Легкий, еле слышный щелчок, потом еще один – кто-то внизу открывал замок. Этот звук был так знаком ей – три года она каждый день щелкала вот так этими замками – сперва верхним, потом нижним. Потом открывала дверь.

И сейчас дверь открылась. Лиза молниеносно присела на корточки, стараясь стать как можно незаметней. Она уже не думала, что боится, не думала, что кого-то ненавидит... У нее вдруг появилось захватывающее чувство охотника, который сидит в засаде и подстерегает дичь. «Как я и думала, – сказала она себе. – Девчонке пора в школу».

Действительно, на площадку вышла девочка лет восьми-девяти на вид, в красном джинсовом костюмчике, с ярким рюкзачком, повисшим на одном плече. Мягко ступая кроссовками, она стала спускаться по лестнице, даже не посмотрев вверх, на Лизу. Голову девочка держала опущенной,

словно была обижена или не проснулась окончательно. На ее светлые волосы упал солнечный луч из окна на площадке, вспыхнул и исчез. Лиза перевела дух и посмотрела на часы. «Без пятнадцати девять. Семья начинает расходиться. Интересно, кто выйдет сейчас?»

Вышел он. Лиза узнала его прежде, чем увидела, по тому, как стукнуло сердце. «Я тебя ненавижу, ненавижу... – быстро повторила она про себя, чтобы набраться храбрости. – Ах, какие мы нарядные, какие мы красивые! Что же ты не побрился, ангел мой? Непростительно при новой-то жене! Или она и так любит? Конечно, в тридцать два года что же ей еще делать... И ты при ней постарел, почти ее ровесник стал... Какие круги под глазами...» Он стоял на площадке перед дверью, почему-то не торопясь уйти. Лифт он не вызвал, просто стоял, засунув руки в карманы светлой замшевой куртки, глядя прямо перед собой отсутствующими глазами. Лиза сомневалась, видит ли он что-нибудь вообще или нет. Она жадно смотрела на это лицо, узнавая и не узнавая его. Конечно, это его лицо, ей ли не знать. Загорелое, выхоленное лицо, высоко очерченные брови, такие аккуратные, словно их выщипали и подрисовали, круглые глаза чуть навывкате, две морщинки возле губ – словно он вот-вот широко улыбнется... Темные волосы ежиком, и эта манера поднимать одно плечо чуть выше другого и стоять на расставленных ногах, чуть покачиваясь взад-вперед... «Чего ты ждешь? – мысленно спрашивала она его. – Зачем ты

тут стоишь? Что случилось?» А она уже видела, что что-то случилось. Эти глаза, бессмысленно глядящие прямо перед собой. «Ты что-то обдумываешь, ты нервничаешь, – разглядывала его Лиза. – Поссорился с женой? Что ж, давно пора, медовый месяц позади... Женщины надоедали тебе и за несколько дней, а вы прожили уже четыре месяца. Раскаиваешься? Устал от нее? А может быть... Думаешь обо мне? Ну, подними голову! – вдруг мысленно прокричала она, сорвавшись. – Подними голову, дурак проклятый, посмотри на меня, посмотри, до чего ты меня довел, скажи, что ошибся! Посмотри на меня, чего ты ждешь!»

И вдруг, словно услышав ее мысли, он поднял голову – совсем чуть-чуть – и посмотрел прямо на нее, как показалось Лизе. Во всяком случае, он, не мигая, разглядывал шахту лифта, упершись взглядом в одну точку – ту самую, где находилось ее лицо. Лиза, как замороженная, отвечала ему таким же застывшим взглядом. Она в этот миг забыла, как точно все просчитала. Он не мог ее видеть – площадка, где он стоял, освещалась снизу светом из окна на лестнице, а то окно, которое могло бы осветить Лизу, было забито фанерой уже много лет, свет в него не проникал. Она его видела прекрасно, а он ее – сквозь двойную сетку и темноту – нет. И все же ей казалось, что они видят друг друга, что еще миг – и он ей что-то скажет. «Привет, козочка, как жизнь?» или что-то в этом роде. Но он ничего не сказал, опустил голову, нажал кнопку вызова лифта. Где-то наверху в шахте что-то лязгну-

ло, дрогнуло, и кабина поехала вниз. Вот ее стена проплыла прямо у Лизы перед глазами, скрыла от нее мужчину на площадке. Она услышала, как он открывает дверь, как входит, как лязгает защелка на двери шахты... «Прощай, – сказала она ему, – больше я тебя не увижу. Прощай, Олег». Кабина уехала вниз.

Лиза снова посмотрела на часы. Почти девять. Она подняла руку, откинула со лба волосы, черная блестящая челка лезла ей в глаза. Ей было жарко, руки снова дрожали. Эта встреча не прошла даром. Она много раз представляла себе, как снова увидит его, и всегда по-разному. Она увидит его и ничего не почувствует. Он увидит ее и почувствует, что не может без нее жить. Они увидят друг друга и почувствуют... Ну, словом, что-то почувствуют. Но в действительности все вышло куда проще. Он не увидел ее – она была в этом уверена. А она чувствовала теперь странный нервный жар, легкую тошноту, дрожь в руках, в ногах, в груди, слева, где сердце. И еще – свое полное ничтожество. «Да, я просто ничтожество, – повторяла она про себя. – Таких и бросают, и правильно делают, что бросают. Говорила себе все эти месяцы, что ненавидишь его, а теперь готова убежать отсюда, ничего не делать, изменить своему плану. Только из-за его глаз, из-за его взгляда. Да что там врать про глаза – из-за него самого, такого, какой он есть, не лучше и не хуже... Я думала, что ненавижу, и по крайней мере за это себя уважала. Говорила ему – я ненавижу тебя! Но я врала, все эти месяцы врала. Я

его не могу возненавидеть. Никогда».

На лестнице появился кот. Лиза узнала его – он принадлежал старухе с пятого этажа. Кот тоже узнал Лизу и стал тереться о ее ноги, громко мурлыча, напрягая спину и хвост, потом попытался забраться к ней на руки. «Этого мне не хватало! – подумала Лиза. – Как он мурлычет, Господи, целый оркестр! Хоть бы молчал...» Она попыталась прогнать кота, но он не уходил, снова лез к ней. В это время дверь внизу снова открылась, и на площадку вышла женщина. Лиза перестала слышать песенку кота, вообще перестала что-либо слышать. Женщина была в светлом, с оттенком розового, плаще, в бежевой юбке и яркой шелковой блузке. Туфли на каблуках, коротко стриженные светлые волосы, почти ненакрашенное лицо. Она несколько раз проверила, хорошо ли заперта дверь, торопливо нажала кнопку лифта, стала рыться в сумочке – тоже что-то проверяла. На этот раз лифт поднялся снизу, женщина хлопнула дверью и уехала.

Теперь Лизе снова предстояло ждать. Она дала себе десять минут – на тот случай, если кто-то вернется, забыв какую-то мелочь. Эти десять минут она старалась ни о чем не думать, кроме своего плана. Кот поскукал и ушел. В подъезде было тихо – здесь жили либо одинокие старухи в запущенных коммуналках, либо вообще никто не жил – многие квартиры были выкуплены, в них делался евроремонт, они предназначались для продажи, но покупали их вяло – цены назначались астрономические – дом солидный, начала века,

с колоннами по фасаду, центр Москвы, район Покровского бульвара... Лиза могла не опасаться нежелательных встреч. На исходе девятой минуты она натянула перчатки, вынула из сумки ключи и спустилась вниз. Замки Олег не сменил. Когда она уходила из этой квартиры, то вернула ему ключи. Ему и в голову не пришло, что Лиза сделала себе дубликаты. Она и сама почти забыла об этом – все те дни она была не в себе, корчилась днями и ночами от боли, злобы, ревности, устраивала сцены Олегу, требовала объяснений... Но слышала в ответ одно: «Давай выметайся! Сколько можно!..» И она вымелась – вымелась с несколькими сумками, набитыми вещами, без гроша в кармане, без претензий на квартиру, без надежд... Но с дубликатами ключей от входной двери. Мать Лизы и ее старший брат называли ее дурой. «Ты три года была за ним замужем, ты могла претендовать на площадь!» – кричала мать. «Идиотка, неужели ничего нельзя было сделать!» – возмущался брат. Лиза сидела, крепко закрыв лицо ладонями, мотала головой, кусала губы, старалась не слушать, а потом срывалась и орала: «Да не могла я ни на что претендовать! Он с самого начала сделал так, что я ничего не могла! Я не была даже там прописана, мам, ты же сама это знаешь! Кто мне сказал – не выписывайся от меня, а то потом обратно не пропишут, кто сказал – я тебе когда-нибудь квартиру завещаю! Не ты?! Так вот тебе – прописана я у тебя, завещаю мне квартиру... Лет через пятьдесят! А свидетельством о браке можно одно место подтереть! Детей у нас не

было, а юрист мне объяснил, что эта квартира – не совместно нажитое имущество супругов, он ее приобрел до брака со мной... Я должна была выметаться! И хватит!» – «Но кто бы мог подумать, что Олег – такой подлец... – причитала мать. – Он был такой порядочный, такой...» – «Щедрый!» – сквозь зубы цедила Лиза, вытаскивала из сумки сигарету и курила, уставившись в потолок. Ее вещи стояли неразобранными у матери, у нее руки не поднимались повесить их в шкаф. Это означало бы полную капитуляцию. Мать с братом недолго совещались, как быть с Лизой. Он привез ее в свою однокомнатную квартирку на окраине Москвы, отдал ей ключи и счел свой долг исполненным. Сам он жил у своей девушки, на которой уже полгода собирался жениться. «Живи, сколько хочешь, – сказал он Лизе, – но на материальную помощь не рассчитывай. Я не могу тебя содержать. Мать тоже. Тебе, в конце концов, двадцать четыре года, пора работать!» Лиза молчала, сидя в своей обычной позе: нога на ногу, локти упираются в колени, подбородок лежит на ладонях, глаза закрыты. «Или найди себе еще одного Олега!» – в сердцах сказал брат и вышел, хлопнув дверью. Лиза посидела еще немного, потом встала, прошла на кухню. На столе она увидела несколько пятидесятитысячных купюр – брат, несмотря на свои слова, оставил. Она сунула их в карман, попила воды из-под крана, открыла окно и заплакала. Прошел один месяц, потом второй, потом третий... Лиза делала вид, что живет, делала вид, что ищет работу, делала вид, что ест...

Ела она очень мало и невкусно: какую-нибудь кашу, или жареную картошку, или подсушенный в духовке хлеб. Денег не просила ни у матери, ни у брата. Ей было все равно. Мать каждый день звонила ей и читала нотации, Лиза молчала. Брат несколько раз приходил, дал еще немного денег. Лиза взяла их и кивнула: «Спасибо». Целыми днями она лежала на диване, закрыв глаза, и перед нею возникали картинки из ее прошлой жизни. Олег и она – в машине, едут за город, окно открыто, и ветер бьет ей прямо в лицо. Олег дарит ей на день рождения цветы и флакон ее любимых духов «Же озе». А вот она сама, Лиза, – идет по Тверской, улыбаясь своему отражению в витринах. Она видит свое лицо, свою черную челку, свои голубые глаза, свой взгляд – внимательный и смеющийся одновременно, свой широковатый и все же изящный нос, свои губы козьего рисунка... Из-за этих губ Олег называл ее «козочка». И еще из-за походки – идет стремительно и как будто чуть подпрыгивает. Она красива, и на нее все смотрят. Или ей кажется, что смотрят. У нее угловатое тело, порывистые движения, и Олег говорит ей, что она похожа на Уму Турман из «Криминального чтива». Это ей льстит. И еще картинка – искаженное лицо Олега. «Выметайся, – говорит он, – я не могу больше с тобой жить! Не изображай из себя ребенка, мне это надоело!» Она смотрит на него широко раскрытыми глазами, ничего не понимая – все слишком внезапно. Потом она плачет, и слезы затекают ей в уголок рта. Она глотает их и крепко зажмуривается, а

слезы все текут и текут, как в детстве, когда не можешь остановиться, ничего не можешь, кроме как плакать. «За что? – кричит она. – За что? Дело во мне? Я что-то сделала не так? Но я была такая, как всегда...» – «Вот именно. – Он отворачивается и отходит к окну. – Ты всегда одинаковая. Тебе ничего не объяснишь. Лиза, сделай мне подарок, уйди! Уйди!» – «Но ведь та женщина старше тебя! – говорит она, подходя к нему сзади. – Ты сам сказал, ей тридцать два года! Я не понимаю... У нее большая дочь, ей восемь лет, ты сам сказал! Она замужем! Я не понимаю! Ты же всегда любил молоденьких девочек, а она старше тебя на четыре года!» Он молчит и смотрит в окно.

И вот в один из дней Лиза увидела еще одну картинку. Сперва она не поняла, что именно она видит, – такого никогда не было в ее жизни. Девушка с черными гладкими волосами сидела на лестнице. Лестницу Лиза узнала, это был тот дом, где они жили с Олегом. Девушка ждала, пока из квартиры выйдут ее обитатели. Это была та квартира, где они прожили три года. Из квартиры вышел Олег, потом – девочка, которой надо было в школу, потом – женщина со светлыми, коротко стриженными волосами... И женщину Лиза тоже узнала – она была именно такой, какой описал ее Олег. Потом девушка, которая сидела на лестнице, встала, спустилась и открыла дверь квартиры. Тут картинка исчезла, но Лиза успела узнать девушку. Это была она сама.

И вот теперь она наяву стояла и открывала замки – спер-

ва верхний, потом нижний... Дверь открылась бесшумно, и Лиза вошла, заперев ее за собой. Теперь она ни за что не убежала бы отсюда. Ей в голову пришла шальная мысль – сесть в столовой, налить себе джина с тоником (этот напиток Олег просто обожал, и джин у него всегда был) и дожидаться его прихода. А потом весело сказать: «Не сердись, что зашла? Мне кажется, я кое-что тут забыла...» А когда он взбесится и закричит: «Что?!» – она ответит: «Все! Я никуда отсюда не уйду! Это и мой дом тоже...» И плакать она не будет, будет сидеть здесь, весело улыбаться, нагло смотреть ему в глаза... Он, наверное, предложит ей денег, может быть, даже швырнет в лицо. Он ведь кричал, когда она не хотела уходить: «Тебе денег надо, да?! Но ты ничего от меня не получишь, три года сидела на шее!» Он даст ей денег, но она откажется... Но, подумав об этом, Лиза чуть не рассмеялась на самом деле и покачала головой: «Нет, это уж слишком! Конечно, я взяла бы деньги. Мне надо жить, а жизнь мне поломал он. Это он не позволял мне ни учиться, ни работать. Сделал из меня красивую куклу только для своего пользования. Конечно, и я виновата в этом. Не надо было подчиняться его капризам, надо было жить своей жизнью... Да что теперь думать! Вот – теперь у меня только своя жизнь, и я никак не могу начать ею жить... Чтобы начать, нужны деньги. Нужна независимость. Значит, деньги надо взять. Не просить, не плакать, а взять. И я возьму. Я всегда только просила или молчала, а теперь я просто возьму. Наверное, я втайне думала об этом

еще тогда, когда заказывала дубликаты ключей...»

В квартире кое-что переставили за эти месяцы, но ориентировалась она все равно легко. Первая комната по коридору все еще выполняла функцию столовой. Большой овальный стол, горка для посуды, уютный велюровый диван, два кресла, моноблок «Филипс», полки с видеокассетами, белая напольная ваза с японской сосной... Насколько знала Лиза, здесь брать было нечего, не выносить же телевизор... Она прошла в комнату напротив по коридору. Это была спальня. Та самая огромная кровать, две светлые тумбочки со светильниками интимного света, зеркало в бронзовой раме... В этом зеркале часто отражалось ее тело – обнаженное, золотистое, и его загорелые руки казались на ее коже еще темнее... Шкаф с одеждой был приоткрыт, Лиза подошла к нему и распахнула дверцы настежь. Чужие платья на плечиках, где висели когда-то ее платья... Явилось мгновенное желание разорвать все в клочки, но Лиза удержалась – это было бы все равно что расписаться: «Здесь была я!» К платьям она не притронулась, зато его вещи пересчитала до последней нитки. Нашла в разных карманах скомканные бумажки – не очень большую сумму. Тряхнула брюки, лежавшие на дне шкафа, обнаружила там пятьдесят долларов. Сжала зубы – действительность оказывалась не такой щедрой, как фантазии. Но она ведь помнила, что обычно его карманы были набиты деньгами! Раньше, когда ей нужны были деньги, она просто лезла в шкаф, и он даже ничего не замечал... Больше

в шкафу она ничего не нашла. Захлопнула дверцы, еще раз осмотрела спальню. На глаза ей попался женский бюстгальтер – размера на два больше, чем у нее. Она скривила лицо в гримасу, торопливо открыла обе тумбочки. Одна явно принадлежала новой хозяйке – гигиенические тампоны, упаковка с колготками телесного цвета, какая-то книжка на немецком языке... Другая принадлежала Олегу. Там она обнаружила кое-что стоящее – шикарные часы «Чоппард» с плавающими бриллиантами, совсем новые, в коробочке. Видно было, что их ни разу не надевали. Лиза взяла коробочку в руки. «Это женские часы, – подумала она. – Боже, какая роскошь! Сколько они могут стоить?! Огромные деньги – баксов тысячу, нет, больше, больше... Почему они лежат тут, у Олега? Может быть, купил для нее и еще не успел подарить? Мы исправим эту ошибку!» Она сунула часы в карман сумки и застегнула ее на «молнию». Настроение поднималось, и вместе с ним поднималась горячая злоба – в этой квартире люди жили, а не умирали, как она, ходили на работу, отвозили ребенка в школу, дарили подарки... Ее выгнали, чтобы она не мешала этой жизни, чтобы не совалась в нее, чтобы исчезла навсегда... «Я исчезну! – пообещала она Олегу мысленно. – Но ты меня запомнишь!»

Дальше по коридору была комната, где жила когда-то сама Лиза. Она открыла дверь с опаской, ожидая увидеть большие перемены. Уж эта комната не могла не измениться! И увидела детскую. Новенькая светлая мебель, яркий ковер на

полу, письменный стол с разбросанными книжками, целая выставка игрушек, среди которых были очень дорогие. «Даже ремонт сделали! – с какой-то жгучей тоской подумала Лиза. – Чтобы уж совсем ничего от меня не осталось... Интересно, зачем ему понадобился чужой ребенок? Он всегда не любил детей, говорил, что с ними надо ждать, ждать лет до тридцати... И вдруг – бах! – взял чужого! А она-то, она! Ведь совсем не в его вкусе! Маленькая, коренастая, совершенно обычная... Ну, не уродка, даже приятная на вид, но такая скучная... Немка, одним словом. Вот именно – немка. Кажется, я правильно догадалась, зачем ему нужен был этот брак. Кажется, я вообще знаю, что он задумал... Да, я-то знаю его лучше всех, могла бы даже проконсультировать эту фрау Анну...» В детской искать было нечего – не хранит же ребенок у себя деньги и ценности. Кроме того, Лиза чувствовала себя как-то странно. Ей казалось, что чей-то упорный взгляд ищет ее и вот-вот найдет. Чей взгляд? На нее смотрели игрушки, смотрела детская постель, смотрела маленькая пушистая тапочка, забытая у порога... «Я сволочь», – сказала себе Лиза и вышла из комнаты. Напротив был кабинет Олега – комната, на которую она возлагала самые большие надежды. Этот кабинет был ей очень хорошо известен, вплоть до мелочей, до самого маленького ящичка в шкафу, в столе, она знала все тайники Олега, все места, где он хранил записки. Она подошла к книжным полкам, встала на цыпочки, вытянула сверху толстый том в коричневом переплете.

Это был какой-то старый справочник по химии, тех времен, когда Олег еще учился в МГУ. Сердцевина этой книжки была вырезана скальпелем, и обычно там лежала пачка денег – толстая или тонкая, смотря по обстоятельствам. Сейчас там не было ничего. «Может, поменял тайник? – спросила себя Лиза. – Было тут еще что-то...» Скоро она нашла это что-то. Это была книга потоньше, красная, на обложке значилось: «Словарь атеиста». Она тоже была пуста. Лиза поставила ее на место и задумалась. Потом стала вытаскивать наугад все более или менее толстые книги, открывать их и заталкивать обратно. Тайников больше не было. Видимо, Олег отказался от мысли хранить свои деньги в книгах. «А раньше он очень ценил этот способ... – подумала Лиза. – Конечно, наивный способ, воры, говорят, сразу лезут в книги... Но почему он сменил место? Может, новая жена что-то пронюхала?» Лиза вспомнила, как она тайком наведывалась к книжным полкам и вытаскивала купюру-другую, стараясь брать поменьше, чтобы Олег не узнал. Впрочем, он никогда точно не знал, сколько у него денег. «Я и тогда уже была воровкой, – сказала она себе. – Не любила просить, брала потихоньку сама... Что ж, он сделал меня такой...»

Ей становилось все тревожней, и она начала спешить. Рывками открывала ящики письменного стола, почти без надежды рылась в бумагах. Нашла учебник немецкого языка, пособие для отъезжающих в Германию и рассмеялась. «Как я и думала! Собрался сматываться! Нашел жену с фамилией

Бахман! Скатертью дорога! Мог бы просто мне сказать тогда: «Прости, Лиза, ты классная девчонка, но, к сожалению, русская... Так что нам не по пути!» Значит, мы решили стать немцами... Ну она-то ладно, она немка обрусевшая, пусть едет, но его-то кто там ждет?! Иностранных языков не знает, профессия – спекулянт, и такой же немец, как я... Тьфу!»

В столе ничего не обнаружилось. Лиза злобно завернула углы ковра на полу, осмотрела обои. Но они везде были приклеены плотно, если там и был тайник, то найти его было невозможно. Оставался шкаф. Там Олег хранил свою зимнюю одежду, туда имел привычку засовывать грязное белье, кроме того, там обычно лежали запасные одеяла и подушки. Лиза никогда раньше не находила там денег, но сейчас ей ничего не оставалось, как попробовать поискать там. Она открыла обе дверцы сразу, и на ноги ей упала подушка без наволочки. Потом она вытащила пару мятых рубашек, большое махровое полотенце... Потом она отскочила и от неожиданности вскрикнула. Хотела закрыть глаза, но не смогла – не могла оторвать взгляд от того, что сперва показалось ей большой куклой.

В шкафу сидел мужчина. Сидел, странно подогнув ноги, уткнувшись подбородком в грудь. На нем был дешевый свитер, джинсы, белые кроссовки. На голове – темное пятно. Точнее, сперва Лиза подумала, что это пятно. Но уже со второго взгляда поняла, что это пролом в черепе. «Самая настоящая дырка... – машинально подумала она. – Кто это та-

кой?! Почему он тут сидит?!»

Но, в сущности, мужчине ничего не оставалось, как сидеть там – больше он ни на что не был способен. Он был мертв. Волосы у него были светлые, очень коротко остриженные, и рана казалась особенно огромной и страшной. Рядом с ним на дне шкафа Лиза заметила белую майку – скомканную, в пятнах крови. Выглядела она, словно из нее пытались сделать тампон для раны, но потом бросили это занятие. Все это Лиза отмечала механически, против своей воли. Просто ее глаза снова и снова обегали мужчину, задерживаясь на его лице. В шкафу было темно, и ей не удавалось рассмотреть его как следует. «Кто это такой? – с каким-то тупым любопытством думала она. – Почему он здесь, у Олега? Неужели сам туда сел? Пришел и сел? Дура! – выругалась она, немного придя в себя. – Сел! Его сюда посадили, гляди, как у него ноги расположены... Усадили и забросали тряпками, а на голову наvertели майку, чтобы кровь вещи не пачкала... Значит... Значит, его убили здесь, в этой квартире, и спрятали... Значит...» Она быстро отступила от шкафа, швырнула туда подушку и выпавшие вещи, прикрыла дверцу. Дышала она тяжело, собственные руки в черных перчатках ее испугали, когда она посмотрела на них. «Вот так да... – прошептала она, слушая тишину в квартире. – Его кто-то убил. Кто?! Олег? Он не способен, нет, не способен! Эта женщина? Проломила здоровому мужику череп, усадила в шкаф... Она сильная, она может... Но зачем? И спря-

тать труп в кабинете мужа... Там, куда он может войти, открыть дверцу... Значит, Олег... У него было такое лицо сегодня утром, я его едва узнала... Но боже мой, как можно убить человека в квартире, где находятся еще женщина и ребенок, да так, чтобы они об этом не знали?! Убить, спрятать, и почти у них на глазах! И когда его убили?! Они вышли из квартиры, такие обычные, такие спокойные – женщина и девочка. Олег нервничал, но мало ли почему... Надо еще раз посмотреть на мужчину...»

Лиза заставила себя снова открыть шкаф, отгребла вещи в сторону и попыталась рассмотреть лицо этого человека. То, что она увидела, ее не обрадовало. Лицо было расслаблено, с приоткрытым ртом, с открытыми глазами и совсем уже окоченевшее. Ей было противно смотреть, казалось, что еще немного – и ее вырвет. «А ведь я, кажется, знаю этого человека, – подумала она. – Видела, видела... Если бы он закрыл рот и повернулся к свету... С тех пор как я его видела, он постарел... Да, у меня чувство, что я его видела более молодым... На вид ему лет сорок... Он даже симпатичный... Если он мне знаком, значит, это знакомый Олега. Если это знакомый Олега, значит...»

Она не додумала эту мысль – в коридоре раздался звук, от которого она чуть не умерла, – открывали дверь. Лиза отскочила от шкафа, захлопнула дверцу и на цыпочках пробежала по коридору. В прихожей раздались шаги, но Лиза уже была в детской – стояла за дверным косяком, прижавшись к стене,

вытянувшись в струнку, слушая оглушительный стук своего сердца. «Кто, кто это?» – только и было у нее в мыслях.

Судя по шагам, это был мужчина. Он шел по коридору, все ближе подходя к кабинету и детской – их двери были прямо напротив друг друга. Двери в детскую Лиза закрыла, но при желании она могла бы выглянуть в коридор – створки были застеклены цветными стеклами, изображавшими жар-птицу. Это нововведение появилось здесь вместе с ребенком, при Лизе тут было простое матовое стекло. Но она не могла даже пошевелиться и только молилась про себя: «Хоть бы не сюда, Господи, хоть бы не сюда...»

И как будто ее кто-то услышал – мужчина прошел в кабинет. Раздался скрип дверцы – мужчина открывал шкаф. Потом какой-то шорох – Лиза изо всех сил напрягала слух. Сомнений не было – в кабинет вошел убийца. Невинный человек вскрикнул бы при виде трупа или выругался. Но тот, кто вошел в кабинет, молчал. Молчал и чем-то шуршал, что-то двигал... Потом Лизе показалось, что какая-то очень смелая или очень глупая женщина внутри нее требует, чтобы она, Лиза, оторвалась от стены и посмотрела через стекло. Лиза несколько мгновений боролась с этой женщиной, а потом внезапно послушалась ее и, осторожно вытянув шею, припала к желтому стеклянному кружочку – крылу жар-птицы. Она увидела Олега. Это был он – его куртка, его брюки, его склоненная голова. Олег расстелил на полу какой-то темный мешок, как показалось Лизе, и теперь тащил из шкафа труп,

придерживая его под мышки. Тащил с трудом – ноги мужчины за что-то зацепились или просто окоченели и не желали вылезать из шкафа. Олег вполголоса выругался, рванул сильнее, и труп вывалился на пол. От звука его падения Лизе стало нехорошо – он упал так, как могла бы упасть тяжелая неодушевленная вещь, но никак не живой человек. Только теперь она поняла по-настоящему, что мужчина мертв.

Теперь ее трясло, она оторвалась от двери и снова прижалась к стене. Голова горела, и мысли в ней тоже горели. «Значит, он убил, он убил... Труп совсем твердый, он убил его вчера, не мог сегодня утром. Значит, ночью труп был в квартире, здесь, напротив комнаты, где спал ребенок... Ребенок спал... А Олег?! Нет, он не мог спать, у него покрасневшие измученные глаза, загнанный вид, пустой взгляд. Он убил, он ночевал рядом с трупом, сторожил его... И вот – вернулся его спрятать. Утром решил спрятать, когда вокруг столько народу, на улице люди, машины, милиция... Почему он не вывез его ночью?! С ума сошел?! Куда он его сейчас потащит?! И ведь один потащит, а мешок тяжелый...»

– Да чтоб тебя! – донеслось из кабинета. Потом – снова стук тела об пол и шарканье подошв.

«Запихивает в мешок... – Лизу сильно тошнило от страха и отвращения, она крепче прижалась к стене. – Значит, она ничего не знала, иначе он вывез бы тело ночью. А он поболся ее разбудить? Ее или ребенка? А если она знала, если это отложили до утра, чтобы девочка ушла в школу? Нет, не

может быть, чтобы в квартире кого-то убили, а она ничего не знала! Теперь почему она не помогает? Почему ушла на работу как ни в чем не бывало? – Лиза вспомнила лицо той женщины – такое спокойное, такое обыкновенное. – Нет, она не знает, – поняла Лиза. – Не может быть, он все скрыл. Тогда какую ночь он провел здесь, рядом с трупом, рядом с двумя людьми, от которых этот труп надо скрывать... Но кого же он убил? Кого он убил так глупо, ведь глупо прятать труп в шкаф в своем кабинете, глупо спать рядом с ним? И кого он вообще мог убить? Ведь он не убийца, нет, он веселый, даже добрый, у него столько друзей... Почему я знаю лицо того мужчины? Его друг? Слишком бедно одет, у него друзья крутые... Родственник? Нет у него никаких родственников. Кто?»

Раздался шум – Олег волочил что-то по полу. Лиза не решилась выглянуть – Олег заметил бы ее, но догадывалась, что он тащит к входной двери. «Он сошел с ума... – подумалось ей. – Сейчас в переулке такая толчея, все идут на работу... На него же все будут глазеть! И как он собрался закинуть мешок в багажник? Он же не влезет! Хотя... – Ее передернуло. – При желании все можно закинуть. Может быть, он даже умно придумал – вытаскивать мешок в такое время. Многие квартиры ремонтируются, из подъезда часто выносят мешки с мусором, примерно такого же размера, только бумажные... В толпе на него, напротив, никто не обратит внимания! Но тогда какую наглость нужно иметь – тащить

труп при всех, на глазах у сотни людей... Нет, я в нем сильно ошибалась, ошибалась вообще во всем. Я его не знала. Этого Олега с мешком я точно не знала. Но как теперь выгляжу я! Я ведь свидетель, может быть, единственный... Свидетель-вор... Что мне делать? Донести на Олега?» Но она прекрасно понимала, что не донесет – это было невозможно, для нее было куда легче украсть. Оставалось уходить отсюда как можно быстрее, забыть обо всем и молчать. «И вернуть на место часы и деньги, – решила Лиза. – В такие дела я не впускаюсь. Это уж слишком... Для меня это ограбление было почти шуткой, от Олега бы не убавилось. Но теперь... Представляю, что он почувствует, когда поймет, что в квартире утром кто-то был, взял деньги, украл его подарок жене из тумбочки! Он с ума сойдет или решит, что обворовала его жена...» Она посмотрела сперва на свои часы, потом достала те, что взяла у Олега. Они были так красивы, так изящны и необычны, что у нее защемило сердце. «Нет, верну, – вздохнула она. – И бежать!»

Олег наконец дотащил мешок до двери. Теперь, судя по тишине, он стоял там и прислушивался к звукам в подъезде. Потом открыл дверь – еще пауза, – оглядывает подъезд. И наконец звук закрывшейся двери, щелканье замков. Лиза сползла вниз по стене. Уходить сейчас она не могла – неизвестно, сколько он провозится с мешком в подъезде и у машины. Встать и подойти к окну, чтобы проследить за ним сверху, у нее не было сил. Ей было так плохо, что она ис-

пугалась, как бы не упасть в обморок. В ушах звенело так, что она уже ничего не слышала, все сильнее подкатывалась тошнота. Она с трудом дотацилась до кровати и полулегла на нее – голова на подушке, ноги на полу. Но пола она уже не чувствовала – он провалился в зыбкую, качающуюся поверхность. Качалась и кровать, Лиза вцепилась пальцами в покрывало, ощутила на руках перчатки, с омерзением сорвала их. Сделала над собой невероятное усилие – встать, сунуть перчатки в сумку, посмотреть в окно. Она увидела пустой переулок. Точнее, переулок был запружен народом – напротив дома располагался технический институт, дальше – школа, еще дальше – несколько контор, банк, захудалое кафе... Но для нее в переулке не было никого, потому что там не было ни Олега, ни его машины – зеленого «Вольво». «Значит, он уехал, ему удалось проделать это на глазах у всего народа, и никто его не остановил», – поняла она, отходя от окна. Ноги сами пошли знакомым путем в ванную. Там она открыла кран, напилась прямо из горсти ледяной воды, вытерла губы, посмотрела в зеркало. Бледная как смерть, лицо сразу похудело и осунулось еще больше, черные волосы смотрятся как парик, глаза пустые, совсем светлые... Лиза не узнала себя в этом зеркале, но теперь ей было все равно, как она выглядит. Главное – уйти отсюда, не упасть, добраться до дома, упасть там на диван и не двигаться несколько часов. Не двигаться и желательно не думать, никого не видеть, ничего не чувствовать... Лиза снова выпила воды, отряхнула капли с

голубой майки. Она оделась совсем просто, как, по ее понятиям, должна одеваться квартирная воровка – джинсы, мягкие мокасины, легкая, неброского цвета ветровка... Роскошные туалеты все эти месяцы без дела провисели в шкафу – ей некуда было их надевать, да и желания не было. Даже такое простое действие, как напудривание лица, казалось ей теперь совершенно бессмысленным и требовало больших усилий. Но сейчас, глядя в зеркало, она мельком подумала, что ей не помешали бы румяна – чем ярче, тем лучше. Она вышла из ванной, ступая уже тверже, прошла в детскую, подняла с пола сумку, повесила ее на плечо и услышала, как дверь снова кто-то открывает.

«Олег вернулся! – У нее захватило дыхание. Вместо того чтобы занять пост за дверью, она осталась стоять с сумкой посреди комнаты. – Она на работе, девчонка в школе, это он вернулся! Зачем?! Неужели уже спрятал?! Или... Его замели, и теперь тут будет обыск?! А я?»

Но мужской голос, который она тут же услышала в прихожей, не был голосом Олега. Милиционер тоже не стал бы так разговаривать – голос был сдавленный, звучал умоляюще.

– Аня, – сказал мужчина, – скажи хоть что-нибудь! Не смотри так!

Лиза ожидала, что женщина отзовется, но она промолчала. «Что это за комедия? – подумала она. – Кажется, наша новая супруга кого-то привела, хотя ей полагается быть на работе... Сегодня тут просто не протолкнуться от народу!

Что она собирается делать? Кто он? Любовник? Куда она его поведет? Ну, не в детскую же...» Странно, но страха Лиза совсем не чувствовала. Страх остался позади, там, где был мужчина в шкафу, Олег с мешком, его пыхтение в коридоре. Этих людей она уже не боялась, и если бы они обнаружили ее – так и осталась бы стоять посреди комнаты и смотреть на них.

– Зачем ты меня сюда привела? – после паузы спросил мужчина. Судя по его голосу, он так и стоял у входной двери. На улице завизжала сигнализация чьей-то машины, Лиза поморщилась, и как раз в этот момент женщина заговорила. Услышать ее было невозможно за воем сирены, Лиза различала только отдельные звуки. Когда сирена смолкла, женщина как раз заканчивала фразу:

– ...избавиться от тебя.

Снова молчание, и голос мужчины:

– Ты этого на самом деле хочешь?

– Да, – коротко ответила женщина и сделала несколько шагов, простучали ее каблуки. Но она не приближалась к детской, просто топталась на месте. Казалось, ни она, ни ее гость не в силах отойти от входной двери. Лиза подкралась поближе к двери и вслушивалась изо всех сил. Женщина снова заговорила, отрывисто, нервно, бросая короткие фразы:

– Я не хочу, чтобы ты за мной ходил! Я видела тебя на прошлой неделе, ты следил за мной. Ты звонил мне на рабо-

ту, звонил и молчал. Это был ты.

– Это был я, – подтвердил мужчина. – Но, Аня...

– Это ненормальная жизнь! – прервала его женщина. – Ты и за Алисой следишь, она мне сказала.

– Жаловалась?.. – сдавленно спросил тот.

– Нет. Но ей это очень тяжело. Дай время, дай немного времени...

– Что изменится? – тихо ответил он. – На что тебе нужно время? Совсем меня забыть?

Женщина промолчала, снова застучали ее каблуки. Она ходила взад-вперед по коридору, иной раз Лизе казалось, что она рывком откроет двери в детскую и они окажутся лицом к лицу.

– Ты не забудешь, Аня... – слышался голос мужчины. – И Алиске я не дам забыть. Что ты задумала?

– Дай сигарету, – попросила женщина. – У тебя есть?

– Ты же не куришь... – протянул мужчина.

– Какая тебе разница, дай.

Теперь и он сделал несколько шагов. Нерешительно потоптался на месте и спросил:

– И все же зачем ты меня сюда привела?

– Не разбираться же на улице или на работе, – ответила женщина. До Лизы донесся слабый запах табачного дыма. – Честно говоря, я хотела от тебя сбежать. Не думала, что ты решишься войти в подъезд.

– Ты просто шла и молчала. Я решил, что ты меня куда-то

ведешь.

– Да никуда я тебя не вела, – устало сказала женщина. – Ладно, пойдем в столовую. Что тут стоять. Как все некстати. Боже мой...

– Он может прийти? – Это было последнее, что удалось услышать Лизе. Голоса и шаги удалились, она поняла, что теперь они сидят в столовой, и ей почему-то стало очень любопытно, куда Анна посадила гостя – в кресло или села рядом с ним на диван? Для самой Лизы гости обычно делились на две категории. С первой категорией она плюхалась рядом в мягкие подушки дивана и болтала целый вечер, то и дело беря за руку, мельком касаясь щеки, не делая разницы между мужчинами и женщинами... Олег злился на ее манеры – он говорил: «Ты ведешь себя как пятилетнее дитя! Зачем ты гладила по морде этого типа?!» – «Я его гладила?! – изумлялась Лиза. – Не может быть!» Но на самом деле, если человек ей был симпатичен, она сразу начинала вести себя с ним очень раскованно и не думала, что ее слова и прикосновения могут быть дурно истолкованы. Некоторых эта ее черта ошеломляла и отпугивала. Других – их было большинство – умиляла и привлекала... С ней охотно общались, как общаются с игривым домашним животным или ласковым ребенком... Но всерьез ее мало кто воспринимал. «Она прелесть!» – так говорили Олегу его друзья. Он только высоко поднимал плечо, молча возражая.

И была для Лизы другая категория гостей. Этих она уса-

живала в кресло, приносила им пепельницы, кофе, напитки из бара, улыбалась своей лукавой козьей улыбкой, но при этом думала только об одном – чтобы они скорее ушли. И в последнее время у Олега появлялось все больше таких гостей. Эти гости носили одно общее название – кредиторы. Даже улыбка Лизы не могла разрядить напряжения, которое повисало в столовой с приходом такого гостя. Конечно, их никто не звал. Они приходили сами. Олег после каждого такого посещения рычал на Лизу, запирался в кабинете или просто уходил из дому. Но потом вдруг успокоился, даже как будто повеселел. Лиза думала, он нашел какой-то выход. Ждала, что он расскажет ей, что придумал. Но он вдруг показал ей на дверь.

И теперь она догадывалась, в чем было дело. Жениться на Анне ради улучшения своего материального положения он не мог – она была вовсе не богата, работала в совместной российско-немецкой фирме по производству медицинского оборудования. Иностранкой она тоже не была – хотя в паспорте значилось «немка». Имела восьмилетнюю дочь и не слишком эффектную внешность. Складывая все эти сведения в одно целое, Лиза мало-помалу поняла, зачем понадобился Олегу этот новый брак. Учебник немецкого языка в его столе только подтвердил эту версию. Он хотел уехать в Германию, разом решив проблему с кредиторами, расплатиться с которыми не мог. Когда Лиза догадалась об этом, она долго и злорадно смеялась: «В Германии он ее и бросит!»

Ее удивляло и пугало только то, что они до сих пор не уехали. Она знала, как Олег умеет добиваться своего, особенно у женщин. Если бы он хотел уехать – давно бы уехал. Значит, она ошибалась или перед ним возникли какие-то непредвиденные препятствия.

Между тем в столовой разгорелась перебранка – до Лизы доносились громкие голоса. Голос мужчины внезапно приблизился, стал хорошо слышен. Он почти кричал:

– Ну, поздравляю тебя, поздравляю! Значит, ты счастлива! Что же ты молчишь?

В ответ раздалось слабое:

– Уходи...

– Вместе с тобой, – твердо сказал мужчина, – тебе здесь делать нечего. Я вижу, не ври мне, Аня, ты же никогда не умела врать! И зачем ты привела сюда Алиску? Сюда, к нему! Это правильно, по-твоему?!

– Я прошу тебя, не кричи... – Женщина вдруг громко всхлипнула. – И уходи сейчас же. Мы не сможем договориться.

– Аня, тебе же плохо здесь. – Мужчина сбавил тон и заговорил жалостливо и нежно: – Ты меня не сможешь обмануть. Ну, не плачь, не надо... Давай соберем вещи, я Алису из школы заберу... Ты больше сюда не вернешься. Хватит! Ты же ошиблась...

– Я не ошиблась, – ответила она довольно твердо, даже заносчиво. – Ты не можешь этого знать! Мне здесь хорошо,

Алисе тоже.

– Тогда почему ты плачешь?

Женщина не ответила. После паузы Лиза с замиранием сердца слышала, как отпирают входную дверь.

– Выходи, – сказала женщина. – Пойдем отсюда. И больше не преследуй меня, не звони. Дай мне успокоиться.

– Аня...

– Выходи, выходи! – потребовала женщина. – Разговор окончен.

И они вместе вышли из квартиры. Лиза бросилась к окну, и спустя несколько минут увидела их в переулке: та самая женщина в розоватом плаще, которую она видела утром, и высокий худощавый мужчина, совсем седой... Лица ей разглядеть не удалось. Мужчина и женщина пошли вниз по переулку, по направлению к метро. Скоро Лиза потеряла их из виду.

Теперь надо было спешить. Она пригладила волосы, еще раз проверила, не оставила ли чего, закрыла сумку и вышла из квартиры, тщательно заперев дверь. Подолом майки она вытерла дверные ручки – внутри и снаружи – и оба замка. Перчатки почему-то внушали ей отвращение, стоило ей их увидеть, и сразу перед глазами являлся труп. «И все-таки он мне знаком...» – думала она против своей воли.

Только добравшись до дома, войдя в квартиру и заперев дверь, она поняла, что увезла с собой и деньги, и часы. Ей стало противно. Когда она придумала свой план ограбления,

ей не пришло в голову, что ощущение совершенной кражи будет мучить ее. Тогда она обдумывала только детали – как войдет, как выйдет, как заметет следы... Теперь оказалось, что она не подумала о самом главном – как ей жить, когда все останется позади, добыча будет в кармане. Ограбление было для нее просто отправным пунктом, с которого начнется новая жизнь, расчетом с прошлым, с Олегом, с самой собой, со своей наивностью. Но теперь, сидя на кухне в своей обычной позе – нога на ногу, подбородок упирается в ладони, глаза закрыты, – она не знала, как ей надо жить. Как жить с этими несчастными деньгами – всего-то двести долларов набралось, как жить с краденными великолепными часами, и самое главное – с сознанием, что ты одна знаешь про убитого мужчину и про того, кто его убил.

А что знает только она, Лиза теперь была уверена. Да, женщина плакала, она нервничала, но про труп она ничего не знала. Иначе не привела бы в ту квартиру своего первого мужа. Нетрудно было догадаться, кто был ее собеседник. Нет, она ничего не знала. Провела ночь в одной квартире с трупом и убийцей, спала с убийцей в одной постели, возможно, даже не только спала... Лиза поморщилась, как всегда, когда представляла Олега с другой женщиной. Поразительно, как ему удалось все скрыть. Он убил его в кабинете, сомнений не было. Та майка с пятнами крови – ведь он явно приложил ее к голове убитого, чтобы не испачкать все в шкафу... Не перевязал рану, просто торопливо приложил,

потому майка и слетела, когда Лиза открыла шкаф. На других вещах она крови не заметила. Если все это случилось, когда женщина с девочкой были дома, непонятно, почему они не поинтересовались, ушел ли гость, куда он делся, да и убить Олегу не удалось бы совершенно бесшумно. Если же их в это время не было, то кое-что можно объяснить. У Олега просто не было другого выхода – они вот-вот должны были прийти, он быстро спрятал его с глаз подальше, в своей личной комнате, куда он неохотно пускает кого-нибудь... И все же это было очень глупо, как казалось Лизе. «Разве так убивают? – спросила она себя. – Но он ведь не профессионал в этом деле, что удивляться... Наверняка убил внезапно, но я не представляю себе, что такое надо сделать или сказать, чтобы Олег мог убить... Наорать он может, сорваться, ну, даже в морду дать, хотя на моих глазах такого не было! Но вот так – по голове... Как уличная шпана. Ах, жаль, я не рассмотрела хорошенько того мужика! – Она мучилась, пытаясь вспомнить. – Он мне знаком, я его видела. Конечно, это приятель Олега... Где я его видела? На улице? Нет, кажется, я бы не запомнила... Почему у меня такая ужасная память на лица?» Это лицо снова стало у нее перед глазами – расслабленное, покорно отвернутое к стенке шкафа, лицо без выражения, без взгляда, без имени...

В тот день она ничем не могла заниматься – все валилось из рук. Она кое-как прибралась, попробовала наладить старый приемник «Океан», стоявший на подоконнике в комна-

те, чтобы услышать хоть чей-то голос, но у нее ничего не вышло. Ее любимая магнитола осталась у Олега, но сейчас она не жалела о ней, вообще не жалела ни о чем, что было связано с бывшим мужем. Часы она даже не примерила – было противно надевать их на руку... И все же они были очень красивы – она повернула коробочку, и бриллиантики на циферблате тронулись с места, медленно переместились в один угол, замерцали... Лиза спрятала часы в шкаф, с глаз долой.

Потом она сходила в магазин и впервые приготовила себе настоящий ужин. Готовила через силу и ела тоже через силу. Выпила бутылку пива – больше она ничего не могла себе позволить, хотя напилась бы с радостью. Выкурила несколько сигарет, долго смотрела в окно. Сентябрь выдался ровный и теплый, и она словно только сейчас заметила это. А все лето кануло в какую-то черную бездну, она не запомнила ни одного дня. Лиза вышла на балкон, постояла, обхватив себя за локти обеими руками. Она смотрела на черное небо, на цветные светящиеся окна множества домов, и теперь ей казалось, что каждое окно скрывает какую-то тайну. Люди пьют чай, едят, смотрят телевизор, говорят друг другу: «Я тебя люблю!», «Спокойной ночи!», «До завтра!». Мужчина курит и читает газету, женщина вяжет, ребенок делает уроки... Но кто-то из них только делает вид, что живет этой спокойной жизнью. Потому что есть шкаф и есть труп с пробитой головой. И вечер отравлен, и окно не просто светится в ночи – оно подает сигналы: «Спасите меня, я здесь!»

На кухне зазвонил телефон. «Это снова мама...» – подумала Лиза и торопливо зашагала туда.

– Да?

Но в трубке было молчание. Лиза стояла, слушала это молчание и, как заведенная, монотонно повторяла:

– Да? Да? Да? – Потом сказала: – Перезвоните, – и положила трубку. Прошла по кухне, выкурила сигарету, выпила остывшего кофе. Но телефон так и не зазвонил.

Глава 2

Ей приснился сон – приснился уже под утро. Она принесла кофе в столовую – в той квартире, где жила с Олегом. В комнате не было никого, но Лиза все же вошла, улыбаясь, аккуратно поставила поднос перед пустым креслом, на столик поставила сахар, подвинула вазочку с печеньем... Отвернулась на миг, а когда снова посмотрела на кресло, там сидел он – мужчина с пробитой головой. Он сидел очень ровно, сложив руки на коленях, закрыв глаза, и – что больше всего напугало Лизу – тоже улыбался – чуть-чуть, одними уголками губ. Незнакомо откуда в комнате появился Олег. Он не смотрел на гостя, делал вид, что не замечает его, и сел в другое кресло... На Лизу он не обращал ни малейшего внимания. Потом появились женщина с девочкой, заговорили между собой так, словно никого больше не было в комнате. Лиза стояла как истукан, не зная, что ей делать, чувствуя себя такой чужой и лишней среди этих людей. Внезапно девочка посмотрела на нее и сделала ей знак глазами – «посмотри в угол». Лиза посмотрела и увидела там мешок. Мешок срочно надо было вынести из комнаты, но так, чтобы никто не заметил. Лиза, пригнувшись, направилась в угол, ухватила мешок двумя руками, но он оказался неподъемным – она даже не сдвинула его с места. «Я попалась, – поняла Лиза. – Теперь они скажут, что это я его убила». Она хоте-

ла оторвать руки от мешка, но не могла, пыталась его сдвинуть – не получается. За спиной послышались шаги – кто-то шел к ней, как будто очень издалека, эхо его шагов отражалось от стен. Она снова дернула мешок, облилась холодным потом... Уже просыпаясь, на границе сна и яви, она увидела лицо Олега – он как будто хотел ей что-то сказать, но не успел. Лиза проснулась.

Ночь была прохладная, балкон оказался открытым – забыла вчера запереть, одеяло сползло на пол. Видимо, она сбросила его во время кошмара, когда рванулась и проснулась... Лиза укрылась, повернулась на спину и полежала, глядя на низкий, неровно побеленный потолок. Потом также медленно, неторопливо оглядела несвежие зеленоватые обои, безвкусные занавески, не достающие до пола, разваленное кресло, которому место разве на даче, сервант, шкаф для одежды, маленький коврик на стене... Телевизора не было, и вообще комната выглядела не человеческим жильем, а помещением для случайно попавших сюда старых вещей. «И я тоже такая старая вещь, мне тут самое место, – подумала Лиза. – Андрюша правильно сделал, что привез меня сюда. С мамой я все равно не ужилась бы, а он не смог бы жить здесь... Слишком общительный, слишком любит уют... Его девушка так и скачет перед ним, только что не кувыркается! Как ее зовут? Кажется, Маша. И влюблена, как кошка. Все на свете влюблены, кроме меня. Ну и, конечно, кроме Олега. Теперь я понимаю, что и меня он не любил. Он никого не любит!»

Она закрыла глаза, вспомнила себя, вернувшись на три года назад...

Если бы кто-нибудь тогда сказал ей, что ее жизнь станет сплошным мучением, что она будет жить на жалкие подачки брата, экономить на сигаретах, ненавидеть свое отражение в зеркале, она бы просто рассмеялась. В это невозможно было поверить. Такого не могло быть никогда. Лизе был двадцать один год. Да, как раз в июле ей исполнился двадцать один год, и тогда же Наташа пригласила ее в гости. Наташа была ее школьной подругой. Они не то чтобы горячо любили друг друга, но все же общались – делать ведь нечего! У Наташи были богатые родители – Лиза не спрашивала, откуда у них деньги, зато знала, куда они их тратят. Тратили родители исключительно на дочку. У Наташи через день появлялись новые туалеты – все такого вида, словно она собралась выйти на панель. Наташа даже дома густо красилась и носила туфли на высоченных каблуках. Правда, с ее ростом – метр пятьдесят два сантиметра – это мало ей помогало. Какой у нее был естественный цвет волос, все давно забыли – Наташа красилась под красное дерево, стриглась «в кружок», наклеивала два слоя накладных ресниц, каждое утро приводила в порядок свой ошеломляющий маникюр, вздыхала и начинала умирать со скуки. Работать ей, естественно, было не нужно. Учиться, как она считала, – бессмысленно. Она не отказалась бы иногда заходить в какую-нибудь очень элегантную фирму, производить там шок своими нарядами,

общаться, пить кофе – но не больше. Она бы даже денег за это не требовала, но пока в ее услугах никто не нуждался. У Наташи был один выход – как можно больше друзей, все новых и новых, чтобы не надоели. И она заводила друзей пачками – знакомилась легко, приглашала к себе, сама напрашивалась на приглашения... Многие считали ее проституткой, хотя Наташа была очень от этого далека. Выглядела она, правда, как проститутка, но единственное, чем она хотела бы заниматься, – это вызывать всеобщее восхищение, а вовсе не отдаваться каждому подряд. Хотя если восхищались как следует, она могла и отдаться – не получив от самого акта никакого удовольствия.

Лиза, в отличие от подруги, могла бы чем-нибудь заниматься – к этому были все причины. Отца у нее не было: мать давно была с ним в разводе. Лиза даже не знала, где он. Она получила от него в наследство фамилию – Майкова, черные гладкие волосы, как у японки, и больше ничего. Мать ее не слишком баловала. Она часто требовала, чтобы Лиза либо поступала куда-нибудь, либо начинала работать. Мать Лизы была еще интересной женщиной, подтянутой, моложавой, энергичной. Даже слишком энергичной, как считала иногда Лиза. Она совершенно не походила на дочь, которая часами могла грезить, уставившись в одну точку, а потом вдруг рассмеяться и перецеловать всех вокруг. Ирина Ивановна вела себя совсем по-другому. Для нее идеалом жизни была работа, вокруг работы она и выстроила свою жизнь. Работала

она при клубе собаководства, специализировалась на кесаревых сечениях у бульдогов и славилась среди собачников. С животными она была очень ласкова, с их хозяевами — очень мила и любезна. Они на нее молились. Но Лиза не относилась ни к бульдогам, ни к хозяевам бульдогов. Она даже боялась этих собак. Мать считала ее потенциальной неудачницей, растяпой, бездельницей, которая всем назло не желает найти своего места в жизни. Она часто читала ей нотации, приводила в пример прежде всего себя, свои заработки, потом Андрея, своего старшего сына, и его заработки. Андрей уже много лет как ушел в компьютерный мир, как в монастырь, да там и остался. При этом он не стал мрачным и замкнутым, как большинство людей его профессии, был способен и повеселиться, и вскружить голову девушке, несмотря на то что был совсем некрасив. Такой сын как нельзя больше подходил для того, чтобы постоянно упрекать дочь.

Лиза слушала упреки и кивала. Проработала пару месяцев в какой-то загадочной конторе у брата, да так и не поняла, чем он там занимается. Освоила компьютерную азбуку, но дальше дело не пошло. Она ушла из конторы. Мать ее кормила, а брат иногда подкидывал Лизе денег на личные расходы. Тогда она звонила Наташе, и они вместе шли по магазинам.

Девчонки вышагивали по бесконечным галереям ГУМа, смотрелись в зеркала, мерили тряпки, которые вовсе не собирались покупать, что-нибудь ели в кафетериях у фонта-

на, изображали шикарных дам, насколько у них хватало сил и денег. Лиза понимала, что тянуться за Наташей бесполезно, – шальных денег у нее никогда не водилось. Да и Наташа не была для нее идеалом. Ее наряды Лиза считала безвкусными, ее макияж – кричащим, разговоры – глупыми. Но других подруг у нее почему-то не осталось. Все либо работали, либо где-то учились или вышли замуж и уже родили ребенка. Конечно, если бы Лиза позвонила кому-нибудь, никто не отказался бы с ней встретиться – в школе ее очень любили. Но по сравнению с жизнью ее старых знакомых ее собственная жизнь казалась ей такой пустой, что она просто боялась кому-то звонить. Ей нечего было рассказать, нечем похвастаться. Она устала ничего не делать, не понимала, почему с ней такое случилось, часто ее тошнило от Наташи, от себя самой, она приходила в отчаяние... Наконец она приняла решение. Решение было наивным, но зато своим собственным. Лиза решила подготовиться и поступить в МГУ на факультет иностранных языков. В школе у нее всегда были успехи по английскому, класс был специализированный, язык давался ей легко. Она достала учебники, методички, стала оживлять в памяти грамматику. Мать пришла в восторг и подыскивала хорошего репетитора. Двенадцатого июля, в день рождения Лизы, она подарила дочери плеер и кассеты с курсом английского языка. А на другой день позвонила Наташа.

– Слушай! – прощebetала она в трубку, и Лиза сделала гримасу – подруга ей осточертела. – Слушай, ты должна ко

мне приехать!

– Серьезно – должна? – с иронией спросила Лиза. – Что случилось? Ты купила себе новое платье?

– А, нет... Лиза, приезжай! Не пожалеешь! Тут один человек устраивает праздник...

– Праздников с меня хватит, – ответила Лиза.

– Да брось ты! – возмутилась та. – Все равно в этом году поступать не будешь, сама сказала! И поздно уже документы подавать. Давай, давай, расслабишься! Я тебя жду, целую!

И повесила трубку. Так она всегда заканчивала разговор – просто не представляя себе, что кто-то может ее не послушаться. Эта манера раздражала Лизу, но почему-то действовала на нее – отказываться было трудно. И тогда она как-то машинально полезла в шкаф, достала летний зеленый костюм – короткую юбку и прилегающий пиджак с короткими рукавами, подкрасилась, причесалась.

– Куда ты собралась? – окликнула ее мать, которая, как назло, была дома.

– К Наташе.

– Опять?! Ты же вроде решила заниматься языком? Ненадолго тебя хватило!

– Мама, мне до поступления еще год, – раздраженно ответила Лиза. – Какое значение имеет один день!

«Если бы я тогда знала, что это будет за день! – простонала сейчас Лиза, ворочаясь в постели. – Если бы мне хоть на миг доказали, какой я стану потом, хоть на миг! Ведь в сущности

это был последний день моей жизни! Пусть это была пустая жизнь, очень глупая жизнь, никому не нужная, но моя, моя собственная жизнь! И я могла сделать с ней что хочу, могла подготовиться, поступить и уже давно учиться, иметь новых друзей, жить своей жизнью! А с того дня началась не моя жизнь, началась моя жизнь для него...»

...От Наташи они сразу поехали куда-то в центр. Лиза с изумлением смотрела, как разоделась подруга – настоящее вечернее платье, американского образца, все в блестках, с голой спиной... Такими щеголяли красавицы из «Санта-Барбары». Наташа выглядела в нем дико и вульгарно, особенно в метро. На нее смотрели как на пугало, а Лиза чувствовала себя рядом с подругой серым воробышком.

– Зачем такой парад? – кивнула она на блестки. – К кому мы едем?

– К одному человеку, – неопределенно ответила Наташа. – Да ладно тебе, я когда-нибудь завозила тебя куда попало? Будет весело, вот увидишь!

– Уже весело, – хмуро сказала Лиза, оглядываясь по сторонам. – На тебя все смотрят.

– Да? – самовлюбленно протянула Наташа и повела плечом. – Что за народ! Господи! Папа обещал мне подарить машину, когда я сдам на права.

– А ты купи права, – предложила ей Лиза.

– Это идея.

Она привела ее к старинному розовому дому с колоннами,

они поднялись на гроыхающем лифте, и Наташа позвонила в квартиру номер шесть. Им открыл молодой человек в черной рубашке и черных брюках. У него были веселые глаза, изящные, как у женщины, брови, неотразимая улыбка – все время разная. Наташе он улыбнулся насмешливо, но тепло, с оттенком преувеличения. Та проглотила эту наживку и просияла. Лизе – совсем по-другому. Его улыбка стала медленной, осторожной, она раскрывалась постепенно, как распускается цветок, и наконец расцвела. Он смотрел на нее так, словно ждал только ее, словно знал ее сто лет и все эти сто лет считал ее самой красивой, самой милой, самой-самой...

Первые минуты прошли для Лизы как в тумане. Потом она поняла, что сидит в комнате с невероятно высокими потолками, перед ней на столе – бокал с мутным напитком, пепельница из синего стекла, протянутая зажженная зажигалка. Лиза курила мало, только на вечеринках, но сигареты, к счастью, нашлись. Олег – так он представился – положил зажигалку на стол и стал смотреть на Лизу. Просто смотреть. Не разглядывать ее по кусочкам, не анализировать длину ее ног, выпуклость груди, форму носа, цвет глаз... Нет, смотреть так, словно все это давно ему известно, его взгляд как будто говорил: «Ты прелесть. Ты вся – с ног до головы – прелесть. Честное слово».

– Чем ты занимаешься? – спросил он ее.

Наташа где-то далеко засмеялась и ответила за Лизу:

– Ничем!

Лиза тряхнула челкой, немного опомнилась и ответила только ему:

– Учу язык.

– Какой?

– Английский, какой же еще...

– Учишься где-то? – Он присел рядом с ней на диван. Диван был очень мягкий, Олег немного утонул в нем, и при этом его бедро коснулось ее колена, неприкрытого юбкой. Она вздрогнула, а он словно не заметил этого прикосновения и так и остался сидеть. Их ноги по-прежнему соприкасались, он спрашивал Лизу, куда она собирается поступать, чем интересуется кроме языка, как проводит свободные дни – например, что она будет делать завтра? А Лизе казалось, что речь идет совсем о другом. Конечно, в этом была виновата его нога. Она заставляла себя собраться с мыслями, отвечать толково, чтобы он не принял ее за дуру, но какой-то горячий туман уже путал ее речь, мешал себя контролировать.

Наташа неожиданно возникла перед ними с каким-то парнем – а Лиза и не заметила, что в квартире есть кто-то еще.

– Олег, не смущай Лизу! – строго сказала ее подруга. – Я за нее отвечаю перед мамой!

– Мне кажется, я сам мог бы отвечать перед любой мамой, – ответил ей в тон Олег. – Не беспокойся, радость моя! Кстати, джин и прочее в баре.

– Олежка, ты мог бы поухаживать за мной. – Наташа не отходила от дивана, ее платье назойливо сверкало. – Зачем

ты так резко вцепился в Лизочку, ты ее смутил. Смотри, она ни жива ни мертва! Давай, давай, отвлекись, дай нам выпить! Будет кто-нибудь еще?

– Прости. – Олег шутливо пожал руку Лизе. – Народ требует, не могу отказать. Что тебе налить?

– Все равно, – ответила она. Ей хотелось убить Наташу, никогда еще подруга не казалась ей такой развязной и глупой. То, что сейчас происходило в ней, было так хрупко, так прекрасно, требовало такой тайны... Ей доставляло радость скрывать свое волнение, отвечать Олегу даже холодно на вид, но при этом сходить с ума от мысли, что он – такой замечательный, такой мужественный, такой обаятельный – сразу сел рядом с ней, заговорил с ней, ни на кого больше не смотрит... И не скрывает своих чувств. Наташа своими глупыми намеками раскрывала ее карты, превращала все в обычный банальный флирт.

Лиза встала, прошлась по комнате, страдая от мысли, что он мог догадаться... А ведь по ее виду можно было обо всем догадаться, скрывать своих чувств она не умела, никогда в жизни, они сразу отражались на ее лице, в ее глазах... «Твои глаза, Лиза, как окна без занавесок... – сказал ей как-то один парень, который был влюблен в нее еще в школе. – В них все видно». С тем парнем она только несколько раз поцеловалась, больше ничего. Сейчас она даже не могла вспомнить его имя – Валера? Витя? Влад? Вспомнились ей еще какие-то пьяные приставания на одной вечеринке у Наташи – тогда

все гости напились в стельку и один мальчишка – худой как смерть, с прической под Элвиса Пресли и в красной рубашке – полез к Лизе под юбку без единого слова. Лиза дала ему затрещину, и на этом ее опыт с мужчинами кончился. Приятели Наташи говорили о ней – конечно, за глаза: «Да это ребенок!» Она очаровывала, с ней было весело, ее пугливая грация изящного животного – серны или лани – приковывала взгляды... Но приставать к ней боялись – из-за детскости. В двадцать один год у нее все еще не было никого – единственное, что радовало ее мать. Но вот теперь она из-за этого страдала. Как себя вести? Что говорить? Как на него смотреть? Почему он к ней не подходит?

Он подошел незаметно, тронул Лизу за локоть. Она обернулась, оказалась с ним лицом к лицу.

– Боже мой, я будто шелк погладил, – сказал он, не сводя с нее глаз.

– Шелк? – глупо переспросила она.

– Твоя рука как шелк. Как у ребенка, – ответил он очень серьезно, без тени заигрывания. Просто сообщал – твоя рука как шелк.

Что тут было отвечать? Лиза засмеялась.

– Возьми, какой тебе нравится. – Он протягивал ей один бокал, другой взял со стола. Она взяла первый попавшийся, обхватила пальцами запотевшее стекло. Вечер был душный, окна открыты, на улице ни ветерка. Но ее знобило. Он не предложил ей выпить за них двоих, или за любовь, или

за что-нибудь в этом роде. Просто улыбнулся Лизе, приподнял свой бокал и отпил немного. Она отпила тоже – произнося про себя, как тост или клятву: «Я люблю тебя, я тебя люблю...» Ей захотелось плакать – не от горя, а от избытка чувств. Хотелось вечно так стоять, чувствуя коленями, животом, грудью близкий жар его тела.

Наташа подошла с какой-то девушкой, и Лизе сразу почудилось неладное – Олег как-то похолодел, отодвинулся, взгляд стал жестким. Он смотрел на девушку, а та – на него.

– Привет-привет, – сказала она, переводя взгляд на Лизу.

– Молодец, что пришла, – вежливо ответил Олег. – Выпей что-нибудь, на столе найдешь.

– Да, ты думаешь? – нервно спросила она, невольно подняла руку, тронула тщательно уложенные светлые волосы. Лицо у нее было холеное, довольно привлекательное, но какое-то дерганое, и это было неприятно. Взгляд бегал, глаза были беспокойные и пустые. Голубой брючный костюм, два золотых кольца на одном пальце, ярко намазанные губы...

«Откуда она взялась?» – подумала Лиза.

– Значит, ты думаешь, мне надо выпить? – снова спросила Олега девушка. – Хорошо, раз ты так говоришь, я выпью. А почему ты мне не представишь эту деточку?

«Деточка», то есть Лиза, была выше гостыи примерно на голову, и потому даже улыбнулась, услышав такое заявление. Зато Олег как-то мгновенно разъярился. Он все еще говорил тихо, даже тише, чем до этого, но голос звучал как перед

большим взрывом:

– Вот что, моя дорогая! Ты, конечно, у меня в гостях, а гость – человек святой. Но обрати внимание, я тебя не приглашал. А поэтому, уж ты прости, могу выставить тебя, когда сочту нужным. Так вот, я уже счел это нужным. Ты не вписываешься в этот вечер.

Девушка подняла руку, словно защищаясь от удара, и странно всхлипнула. Но в ее глазах не было слез – они были сухие, пустые, бегающие. Она еще минуту глядела на Олега, на Лизу, потом как-то неловко, как манекен, повернулась и с очень прямой спиной вышла из комнаты. В прихожей хлопнула дверь. Она ушла.

Наташа, распахнув глаза, хлопая наклеенными ресницами, молча глядела на Олега, а потом сказала:

– Олежка, зачем ты так?

– Наталечка, выпей и не переживай, – попросил ее Олег. – Она просто больная.

– Лариса? – вмешался другой парень, который наблюдал всю эту сцену, сидя в кресле и потягивая коктейль. – Это точно, ей пора лечиться.

Он встал, повозился с магнитолой, поставил Патрисию Каас. Лиза положила руки на плечи Олега – точнее, руки сами легли к нему на плечи. Он бережно обхватил ее талию, приблизил губы к ее уху. Он ничего ей не говорил, просто дышал, и она чувствовала горячие покалывания на своей шее. Наташа танцевала со своим приятелем, прижавшись

к нему всем телом. Приятель громко произносил какую-то глупую речь, но голос Патрисии покрывал все. Она пела любимую песню Лизы – ту песню, которую она поет, переодевшись уличным мальчишкой, с чумазым бледным лицом, под каким-то фонарем.

– Прости за сцену, – вдруг услышала Лиза его голос. – Я виноват, что она пришла. Я соврал – она была приглашена.

– А... – протянула Лиза.

– Но она так безобразно себя вела. Ненавижу ревность.

Тут Лиза промолчала, но сердце у нее защемило. Олег продолжал:

– Я тебя напугал, да? Я видел, ты поморщилась, когда я отчитывал ее.

– Разве? Нет-нет...

– Да, – твердо сказал он и приблизил губы к самому ее уху, – честно говоря, я не владел собой. Выгнал бы их всех. Такие дураки, верно?

– Ведь это твои приятели?

– Нет.

– Как нет?

– Да так. Просто хотелось провести вечер. Я не думал, что придешь ты... Нет, хорошо, что они пришли, иначе я не увидел бы тебя... Ты знаешь, про что эта песня? – внезапно переменял он тему.

– Про любовь, наверное. – Лиза наконец улыбнулась. – Про что еще можно петь таким голосом? Про разбитое серд-

це...

– Ну, почти про любовь... – согласился он. – Точнее, про любовь к музыке... Но там есть еще про страсть господина Ревность. Знаком тебе этот господин?

– Я такого не знаю.

– А госпожа Любовь?

– Не знаю... – ответила Лиза таким тоном, что это можно было принять и за «да», и за «нет». – Зато ты, наверное, ее хорошо знаешь, судя по тому, с какими глазами убежала эта Лариса.

Он отстранился, убрал руки с ее талии, взял Лизу за плечи. В комнате было сумрачно, света никто не зажег, Наташа с парнем танцевали в другом конце, точнее, как-то страстно и неуклюже топтались на месте. Лиза видела краем глаза их возню и уже знала, что сейчас они исчезнут в другой комнате.

– Ты мне простишь Ларису? – спросил он очень серьезно. Тогда она еще не знала его привычки серьезным тоном говорить вещи, не имеющие для него никакого значения. И эти слова показались ей очень важными, показалось, что это его отречение от всех женщин, которые были тут до нее, танцевали, ревновали его, спали с ним – она думала и об этом, и уже с болью...

– Конечно. – Она постаралась, чтобы ее голос не дрожал. – Какое это имеет значение?

– Огромное.

– Олечка, дай ключ... – к ним подошла совершенно пьяная Наташа. «Когда она напилась?» – удивилась Лиза. Ее друг уже вышел.

– Развратница, – ласково сказал Олег, открывая ящик маленького столика, где стояла магнитола, и вытаскивая плоский ключ. – Вот зачем ты ходишь ко мне в гости!

– Олечка, ты просто чудо! – Наташа чмокнула воздух губами и махнула Лизе рукой. – Знаешь, я остаюсь. Олег тебя отвезет домой, ладно?

– Ты иди, иди... – смеясь, выпроваживал ее Олег. – И не слишком шумите, Витя дома.

Наташа вышла, задев бедром косяк двери, а Олег мимоходом объяснил Лизе:

– Витя – это мой сосед. Ведь тут бывшая коммуналка. Две комнаты мои, одна его, одна ничья, но я ее скоро выкуплю. Потом и Витю переселю куда-нибудь.

– А потом? – спросила Лиза.

– Ну, что мне делать потом... Женюсь, наверное!

И он шутливо протянул к ней руки.

Он только поцеловал ее в тот вечер – хотя она уже позволила бы большее. «Наверное, потому, что чувствовала себя его собственностью, – подумала она сейчас. – Да, Олег умел внушить женщине это чувство!» Он отвез ее домой, она звала его наверх – познакомиться с мамой, выпить кофе... Он отказался и поцеловал ее еще раз – быстро, ласково, словно для того, чтобы приучить ее к себе. И приучил – они цело-

вались на улице, в его машине, в его квартире... Плейер и кассеты с английским лежали в комнате Лизы мертвым грузом, ей было не до будущего, ведь настоящее вдруг стало так прекрасно и замечательно! Ощущение пустоты своей жизни исчезло, жизнь внезапно наполнилась новым смыслом. Этим смыслом был Олег, и только он. Теперь Лиза понимала, что она сразу перестала думать о себе как о личности, ощущать свою собственную ценность без него. Это была ловушка для чувств – она была счастлива, безумно счастлива и горда, когда рядом был он, а без него была еще большим ничтожеством в собственных глазах – только потому, что его не было. Значит, надо было сделать так, чтобы он был рядом всегда! Это было очень просто решить, куда проще, чем обдумывать какие-то другие планы на будущее.

Скоро она познакомилась и с господином Ревность. Ларису она больше никогда не видела. Олегу как-то удалось ее спровадить, и та не показывалась на глаза. Наташа бывала в гостях, и теперь подруга вызывала у Лизы почти ненависть. Та совершенно неприкрыто кокетничала с Олегом, как бы не считаясь с тем, что его отношения с Лизой заходили все дальше. Но до главного еще не дошло. Наташа страшно поразилась, когда узнала об этом. Она долго пыталась Лизу, спит ли она с Олежкой. Лиза хотела сказать «да», но почему-то сказала правду.

– С ума сойти! – закричала Наташа. Разговор происходил у нее дома, куда она зазвала Лизу по какому-то выдуманному

поводу. – Вы с ним до сих пор не..?

– До сих пор не, – резко ответила Лиза. – А что? Почему это так тебя удивляет?

– Ну, почему... – Та пожала плечами, плюхнулась в кресло так, что сверкнули голые ляжки, и уставилась на подругу. – Знаешь, ведь Олег не любит долго ждать... Ты меня просто поразила!

– А откуда ты взяла, что он любит, а что не любит? – спросила Лиза.

– Бедная ты моя... – Наташа поболтала ногой, потом вздохнула. – Да ниоткуда! Так, подумала...

– Нет, говори! – Лиза видела, что та что-то скрывает. Ревность уже давно терзала ее, но объекта для ревности, как ни удивительно, не было. Были только взгляды Олега на других женщин, которые бывали у него в гостях. А гости у него были почти каждый вечер, вечеринки он закатывал щедрые и веселые, жил по-холостяцки, и все три комнаты были в распоряжении его приятелей и подруг. Одну комнату он уже успел выкупить, теперь очередь была за его соседом. Олег подыскивал ему квартиру на окраине. Тогда вся эта шикарная квартира должна была оказаться в его распоряжении. А что потом? Лиза мучилась – она до сих пор не понимала, к чему придут их отношения. У нее уже появилась мысль, что надо ловить любовь за хвост – быстрее переспать с Олегом, чтобы удержать его. И вот Наташа первая высказала вслух эту мысль. Она заявила:

– Знаешь, подружка, я дам тебе один совет. Олег, конечно, парень замечательный, что ж тут скажешь! И деньги у него есть, правда, я не знаю откуда... Он говорил, занимается какой-то коммерцией... Ну, это не важно, главное – он тебя бережет, относится не так, как к другим бабам! Ты этого не понимаешь, глупенькая...

– Чего я не понимаю? – Лиза нервничала и, чтобы скрыть это, быстро схватила сигарету. – Ты что-то крутишь, Натка. Говори, что хотела сказать? Почему это я – «бедная»?

Наташа снова вздохнула. Лукаво улыбнулась. Лиза сидела как на иголках.

– Ну ладно, – наконец соизволила та. – Я тебе скажу. Он ко мне клеился, еще до того, как познакомился с тобой. Знаешь, в тот вечер, ну, когда я тебя привела, я сама на него рассчитывала...

Лиза ответила молчанием и струйкой дыма. Ей было так плохо, что говорить она не могла. А Наташа снисходительно продолжала:

– Он в принципе нормальный парень... Они все на один лад! Я думала, у нас что-то выйдет. Конечно, каждой лестно отхватить такого мужика! Мне так надоели эти пустозвоны.

– Да? – ответила Лиза только для того, чтобы не молчать.

– Ну конечно! Денег-то у них нет, они вообще ничего из себя не представляют! У нормальных парней уже есть кто-то, надо отбивать, а ненормальные... – Махнув рукой, она заключила: – Ну, короче, я даже обиделась на тебя тогда!

Он так к тебе прицепился, не оторвешь, сразу было видно. Ты произвела впечатление. Тебе повезло. Я просто хотела узнать, неужели он до сих пор тебя не тронул? На него не похоже.

– Скажи честно, у тебя что-то с ним было? – выдавила Лиза. – Натка, не ври! Было, да? Ты поэтому в тот вечер вертелась возле нас?

Та обиделась:

– Нигде я не вертелась! А насчет того, что что-то было... Понимай как хочешь! Только я тебе скажу – если ты до сих пор корчишь из себя недотрогу, дура ты и больше никто!

Лиза встала, раздавила сигарету в пепельнице и ушла, не сказав ни слова. Отношения между подругами были оборваны.

И тогда же она приняла последнее решение. Олег пригласил ее на очередной вечер – ни одна собирушка у него больше не обходилась без Лизы. Она пришла, нарядившись как можно лучше. Ей все говорили, что чем проще она одета, тем большее впечатление производит. В тот вечер – это был конец августа – на ней было легкое белое платье из полупрозрачной ткани, очень дорогой, туфли на шпильках – она уже знала, что Олегу нравятся высокие девушки – чем выше, тем лучше. Лиза сделала прическу, сбрызнула декольте духами «Воздух времени» от Нины Риччи – Олегу они нравились. И приказала себе быть смелой.

Разумеется, на вечеринке не было Наташи. Олег – боль-

шой дипломат, давно уже уловил, что между подругами произошло охлаждение, и не пригласил ее. Лиза со мстительной радостью узнала об этом. Да, как бы она ни ревновала его к каждой юбке, в одном он был неизменен – его интерес ко всем остальным был случайным, быстро преходящим, а к ней – постоянным. «Все вы уйдете, а я останусь!» – думала она часто, глядя на его гостей.

– Ты что-то грустная сегодня? – спросил ее Олег, усаживая рядом. В тот вечер к нему зашли какие-то приятели по бизнесу – молодые парни, не блистающие большим интеллектом, простоватого вида. Парни пришли со своими девушками, лишних дам не было, и потому Лиза была спокойна – Олег смотрел только на нее.

– Нет, мне весело, – ответила она, кладя руку ему на колено – ее обычный успокаивающий жест. Он поймал ее пальцы и пожал их, стал греть в своей ладони.

– Тогда почему ты на меня не смотришь? – задал он ей вопрос своим значительным тоном. – Что случилось? Тебя что-то не устраивает?

– Да нет... – Она повела головой, ее черные, угольного оттенка, волосы блеснули в свете лампы. Олег не сводил с нее глаз.

– Мои друзья тебе мешают? – еще тише и значительней спросил он.

– Нет, что ты! Смотри, как им весело! – Лиза иронично кивнула на парней, пивших неразбавленный джин. Дамы в

этот жаркий вечер почему-то предпочитали водку. – Господи, они гопак скоро плясать начнут!

– Только не здесь, – быстро ответил Олег. – Знаешь, я пригласил их только потому, что надо создать видимость дружбы. Понимаешь? А так... Ну что у меня с ними общего?

Она молчала, только подвигала пальцами по его ладони. Он сжал их, словно поймал птицу. Наклонился еще ближе и почти прошептал:

– Лиза, я тебе сегодня задам один вопрос.

– Я тебе тоже... – так же прошептала она, встречаясь с ним взглядом.

– Да? Спроси сейчас!

– Хорошо. – Она перевела дух и сказала, стараясь не думать, что будет дальше: – Ты меня любишь, действительно любишь?

Он ответил сию секунду:

– А ты сомневалась?!

– Нет.

– Почему же спрашиваешь? Я ведь не сомневаюсь, что ты меня любишь.

– Не сомневаешься? А разве я тебе это говорила?!

– Сто раз!

– Никогда!

– Твои глаза, маленькая... – пробормотал он, не отводя взгляда. – У тебя такие говорящие глаза! Лиза, ты совершенно не похожа на остальных... Ты как сказочная принцесса,

ты как будто не понимаешь, по какой земле ходишь... Это так чудесно!

– А меня всю жизнь за это ругали! – возразила Лиза. – Говорили, что я ничего не понимаю в реальном мире, что я ничего из себя не представляю...

– Все идиоты... – быстро ответил он. – Лиза, эту кодлу я сейчас разгоню. Тогда ты мне ответишь на один вопрос.

– Постой! – Она попыталась остановить его, но он уже встал, подошел к гостям и весело предложил им куда-то прокатиться. Все они приехали на своих машинах, но никого не смущало то, что водители оказались пьяны. Парни шумно согласились, девушки полезли в сумочки, принялись краситься, кто-то искал туалет, натыкаясь на стены... И никто даже не понял, что сам хозяин никуда не едет, а только провожает их до выхода. Лиза с трудом удерживала смех – она-то была не пьяна.

Олег вернулся в комнату, остановился у стола, смешал два коктейля.

– Ты просто убийца! – Лиза наконец расхохоталась. – Они же разобьются!

– Сами будут виноваты, недоумки... – Он говорил как-то сквозь зубы, словно был сердит на нее. И вдруг он оставил коктейли в покое, быстро подошел к ней, схватил ее за плечи и поднял легко, как куклу.

Она впервые поняла, какие жесткие и сильные у него руки.

– Ну что, и дальше будем играть в эти игры? – все так же сквозь зубы спросил он.

– О чем ты... – успела она прошептать, хотя его лицо нагнулось и задавать вопросы было бесполезно.

И теперь, лежа на продавленном диване в убогой квартирке брата, Лиза даже застонала, вспоминая себя три года назад. «Я была просто глупой куклой, Барби с черными волосами, а вместо мозгов – два противовеса, чтобы ресницы закрывались! – говорила она себе. – Дура, дура, идиотка, лучше бы ты поехала с любым из этих парней и расшиблась на Воробьевых горах!» Она увидела себя – вот она сидит в той комнате, на диване, белое платье задрано до пояса, спущено с плеч, туфли валяются в разных углах, волосы растрепаны... Она даже не пытается привести себя в порядок, она слишком ошеломлена. Все случилось очень быстро, и было очень больно, просто больно, просто обидно, что он ничего ей при этом не сказал, ни слова утешения. Олег застегивал брюки порывистыми, машинальными движениями, потом вдруг взглянул на свою руку, вымазанную кровью, и вышел в ванную. Лиза поморщилась и опустила платье на колени, медленно пригладила волосы. Встала, босиком подошла к столу, выпила коктейль, и ей показалось, что приготовил его Олег в какую-то другую эпоху. Во всяком случае, себя она чувствовала так, словно прошло сто лет и ей уже никогда не стать такой, как раньше. Ей было горько, но не особенно. «Это все? – только спрашивала она себя. – Вот из-за чего

столько разговоров! Вот чем гордилась Наташа! И это все...»

Олег застал ее со стаканом в руке. Она заметила, что волосы у него мокрые, щеки горят, глаза какие-то удивленные. Подумала, что и сама выглядит странно.

– Лизонька... – Он подошел к столу, оперся на него, помотал головой. – Ты просто меня потрясла! Просто раздавила!

– Ты о чем?

– У тебя что, никого не было?

– Почему ты спрашиваешь? – Она пожала плечами, натянула на них платье.

– Да, глупо, глупо... – согласился он, увидел свой стакан, залпом выпил его. – И как я себя вел! Я бы никогда не сделал все так, если бы знал! Поверь!

Она кивнула, довольно равнодушно. Вообще ею овладело какое-то безразличие ко всему происходящему – реакция на пережитую по его вине боль. И кроме того, она уже чувствовала свою значительность – она теперь женщина, такая же загадочная, такая же грязная, как все остальные, она вошла в новый мир, теперь с ней нельзя обращаться как с девчонкой.

А Олег все извинялся:

– Я никогда бы не подумал, что ты... Да болван я, надо было подумать! Ты же была словно с другой планеты! Надо было все понять, какой я был дурак!

– Да ладно тебе... – отозвалась она наконец. – Можно подумать, это с тобой случилось в первый раз!

– В первый, – как-то очень серьезно сказал он.

– Что?! – У нее перехватило дух, но тут же она расхохоталась: – Ну, только не надо! Я же знаю, сколько у тебя было подружек! И Наташа тоже, между прочим!

– Кто?! А, эта пигалица... – Он закурил. – Ты меня не поняла. Для меня-то это был не первый раз, да и чего ты хочешь – мне двадцать пять лет! Но в первый раз у меня была девушка... Понимаешь?! Это глупо, это дико, но это так!

– Значит, не везло, – холодно ответила она, еще больше проникаясь гордостью.

– Мне это никогда не было нужно, – пробормотал он. – Или я просто так думал. Зачем я тебе все это рассказываю?

– Да ради бога! Мне интересно!

– Лиза... – Он обнял ее, почувствовал сопротивление. – Ты меня простила?

– Да.

– Все теперь будет по-другому, обещаю! Поверь мне! Я вел себя как скотина, но я так тебя хотел! С первого дня все не мог решиться, а захотел сразу! Я никогда так долго не ухаживал... Сорвался.

Он поцеловал ее, и она ответила. Они постояли, прижавшись друг к другу. Лиза при этом почему-то ощущала страшное одиночество, хотя вот – он был рядом. Разве не этого она всегда хотела?

«Это было знаком! – подумала она сейчас, лежа в постели. – Это было предзнаменованием, что я всегда буду одинока рядом с ним, что он никогда не станет мне близким! Он

только играл со мною в куклы, наряжал, выставлял напоказ, даже по-своему обожал... Сначала. Но не любил он, нет, не любил он...»

Она позвонила матери, твердо сказала, что ночевать не приедет, будет у Наташи. Не стала слушать возражений, положила трубку. Она знала, что мать Наташу не выносит и вряд ли туда позвонит. А если бы и позвонила – невелика потеря! Ей теперь было все равно.

Больше ни вечером, ни ночью он не пытался ею овладеть. Нежно извинялся, касаясь губами уха, гладил ее тело, просил, чтобы она гладила его, зажигал свет, чтобы полюбоваться ее смущенными глазами, гасил свет и снова прижимался к ней. Эта ночь ее опьянила, и Лиза окончательно решила, что все сделала правильно.

А утром зазвонил телефон. Олег протянул руку и снял трубку. Телефон стоял рядом с кроватью, на столике, заваленном журналами.

– Кто? – резко спросил он, но вдруг стал серьезнее, сел на постели.

– Что вы говорите? Да, у меня... Что такое? Как? Где? На Воробьевых горах...

Лиза открыла один глаз и наблюдала за ним. Он потянулся за сигаретой, нервно закурил, продолжая говорить в трубку:

– Да, мы выпили, и они решили поехать... Это ужасно. Я там нужен? Нет? Ужасно, ужасно... Я к вам заеду сегодня. Я ведь их отговаривал, боже мой...

Он повесил трубку, вскочил, открыл окно. Лиза села.

– Что случилось? – спросила она.

– Ты уже не спишь? Так, случилось...

– С ребятами что-то? – догадалась она и почему-то сразу вся похолодела.

– Разбились, идиоты, – резко ответил он. – Все завалились в одну машину, за рулем был Игорь. Он вроде выпил меньше всех. Поехали на Воробьевы горы и не вписались в поворот... Вмятку!

– Что? – Она едва смогла пошевелить губами.

– Что-что! – нервно крикнул он. – Все погибли, кроме одной девицы! Она в реанимации!

– Господи... – Она обхватила себя за локти и уставилась на него широко открытыми глазами. – А если бы мы поехали с ними...

– Мы бы не поехали.

– Но ведь ты их туда отправил!

– Я их туда не отправлял.

– Но... Я ведь слышала!

– Ничего ты не слышала. – Он сел рядом с ней на постель и сказал, не глядя на нее: – Они взрослые люди, и нечего перекладывать на меня ответственность. Их никто не принуждал, они поехали сами! Сами виноваты.

– Конечно, ты прав... – прошептала она, и все же ей было нехорошо.

Олег встал, накинул халат, пошел на кухню сварить кофе.

Она тоже поднялась, набросила платье, прошла в ванную. В коридоре она заметила какого-то мужчину и чуть не вскрикнула – она совсем забыла, что у Олега есть сосед. Он весело кивнул ей и сказал: «Доброе утро!» Его лица в полумраке она не разглядела, да и не старалась разглядеть – ей было стыдно. Она приняла душ, вытерлась полотенцем Олега, посмотрелась в зеркало. Бледное лицо, под глазами круги, вид испуганный...

Лиза села на диван и застонала. Все, о чем она вспоминала в это утро, причиняло ей сильную боль. Но еще сильнее была досада на себя. Как можно было быть такой душой! «Ведь он уже тогда был убийцей! – сказала она себе. – Он сумел запудрить мне мозги, что не виноват в гибели ребят, и я сама тогда хотела в это верить! У нас была первая ночь, а в это время обрывались чьи-то жизни... Из-за того, что ему захотелось остаться со мной наедине! Усадил за руль своих пьяных друзей, выгнал их... И они погибли, как телята... А та девушка в реанимации? Что стало с ней? Выжила или нет? Я даже не поинтересовалась... Мне было не до нее... Господи, ну если бы я знала, что три года спустя снова посмотрю в то зеркало, увижу свое страшное лицо, пойму, что он – убийца! Вчера сомнений уже не было. Я и тогда не должна была сомневаться! Какая я дура...»

В тот день, когда Олег привез ее домой, мать закатила ей пощечину. Лиза стояла, держась за щеку, и смотрела на нее пустыми глазами.

– Шлюха! – выдохнула мать. – Шлюха!

Лиза пошла к себе в комнату, мать побежала за ней.

– Я вчера позвонила Наташе, она сказала, что не знает, где ты. Какой позор! Чем ты занималась?! Где была?!

Лиза легла на свою кровать, закрыла глаза.

– Да что я спрашиваю! – продолжала шипеть мать. – По тебе все видно! Ты переспала с кем-то?! Да?!

– Ну да! – внезапно грубо ответила Лиза. Мать на секунду онемела, а потом подбежала к ней и снова ударила ее – наотмашь, очень больно. Лиза отвернулась к стене.

– Шлюха! – Мать уже кричала. – Кто это был?! Кто?! Я его знаю?!

– Скоро узнаешь. – Лиза говорила не открывая глаз. – И не смей меня бить!

– Как ты разговариваешь... – начала мать, но Лиза ее оборвала:

– Я выхожу замуж, и ты мне больше не начальница! Я хочу спать. Уйди.

Мать постояла возле кровати, потом осторожно села рядом.

– Лиза, кто он?

Она промолчала.

– Замуж? – продолжала расспрашивать мать совсем другим тоном. – Но разве у тебя с кем-то были такие отношения?.. Он серьезный человек?

– Да. Он бизнесмен.

– Этого только не хватало! – воскликнула мать. – Проходимец какой-то?!

– Не всем же быть ветеринарами, – ответила Лиза.

– Не хами, – растерянно ответила мать. – Как его зовут?

– Олег.

– А фамилия?

– Откуда мне знать?

– Да, веселые дела... – Мать встала и подошла к двери. – Ладно, спи. Потом поговорим.

Но матери Олег неожиданно понравился. Он наавтра приехал с грандиозным букетом из белых цветов, с тортом, шампанским, в костюме и при галстукe. Обращался с Ириной Ивановной как с королевой, а с Лизой – как с принцессой, говорил на светские темы, а также о своих видах на будущее – он пока живет в коммуналке, но близок день, когда сосед уедет. Это будет буквально на днях! А пока они с Лизой подадут заявление в ЗАГС. Мать была в восторге, когда он ушел.

– Я не думала, что такой молодой человек может так смотреть на жизнь... – задумчиво сказала она. – Он просто прелесть! Тебе повезло, Лиза... Тебе повезло...

И все три года их брака мать искренне считала, что дочь абсолютно счастлива. Да и почему бы ей быть несчастливой? Квартира теперь целиком принадлежала Олегу, он сделал ремонт в комнате Вити (Лиза так больше его и не видела), купил мебели и аппаратуры, сменил машину – у него появил-

ся «Вольво». Лиза одевалась как куколка, в самых дорогих магазинах и бутиках, отдыхала с мужем на хороших курортах, позволяла себе все, что душе угодно... К поступлению в университет она так и не подготовилась – было не до этого. Да и Олег, как ей показалось, был против этого. Он любил, придя домой, увидеть Лизу, которая выбегала ему навстречу, как радостная собачонка, любил вкусно поужинать – она прекрасно готовила, часто делала экзотические блюда, рецепты которых собирала в особую тетрадь... Свой день Лиза проводила за уборкой квартиры, за туалетом и макияжем или просто ходила по магазинам и выбирала что-нибудь повкусней к ужину. Подумать, как раньше, о пустоте своей жизни у нее просто не было времени – и ей казалось, что жизнь ее полна. Олег был с ней очень нежен, особенно в первый год. Гости приходили по-прежнему часто, Лизе это даже нравилось, хотя она продолжала ревновать Олега ко всяким знойным дамам высокого роста. Правда, ей никогда не удавалось поймать неверность за хвост – Олег в ее присутствии ничего себе не позволял, но она уже догадывалась, что знает не все и не всех... Чьи-то телефонные звонки, его частое отсутствие, его блестящие глаза в иные дни, когда он явно думал не о ней... «Я тебя люблю, и не морочь мне голову!» – говорил он ей, когда она начинала выяснять отношения. Но он принадлежал к той породе мужчин – очень распространенной – которые, обожая своих жен, не брезгают и легкими разминками на стороне, не находя в этом ничего страш-

ного. Самым лучшим для Лизы было бы не думать об этом, не принимать близко к сердцу. Но она думала, переживала и иногда устраивала ужасные сцены. «Козочка, – говорил он, – ты совсем у меня дикая!» А в общем, считала Лиза, они жили прекрасно. Во всяком случае, весело.

Первый кредитор явился в эту зиму. Это был ничем не примечательный мужчина средних лет. Лиза не поняла, кто это, подала ему кофе... Олег неожиданно резко велел ей выйти из комнаты. Вечером он был сам не свой, на вопросы не отвечал, бросился на диван и тупо смотрел в потолок.

– Дела неважные, – наконец промолвил он.

– Из-за меня? – подавленно спросила Лиза.

– Что? – удивился Олег. – Почему из-за тебя?

– Ты слишком много на меня тратишь...

– Дурочка! Иди спать... Я еще побуду тут...

Она страшно расстроилась, но ей тогда в голову не пришло, что это было началом конца. Второй кредитор вывел Олега из себя. Он оделся и куда-то ушел. Вернулся только наутро. Она не решилась устроить ему сцену, стояла молча, смотрела, как он снимает пальто.

– Ну что ты уставилась? – сказал он.

Лиза отвернулась и ушла в свою комнату. Он не пришел, не извинился, ничего не объяснил. Она тоже ни словом не напомнила ему об этой ночи. Жаловаться было некому, разве что самой себе. В ту зиму они вдруг стали чужими людьми. Лиза удивлялась, как легко произошло это... Удив-

лялась тогда, но не теперь. «Мы всегда были совершенно чужими, – говорила она себе. – Но я и той зимой не желала этого признать! Надо было уйти первой, не дожидаясь, когда он меня выгонит...»

Весна не принесла с собой ничего хорошего. Каждый визит кредиторов – Лиза никак не могла понять, сколько их всего, – приводил Олега в бешенство.

– Это не дом, а проходной двор! – кричал он. – Они не имеют права приходить сюда! Это они страху нагоняют! Твари! Узнали мой адрес!

– Они тебе угрожают? – спросила как-то Лиза.

Он махнул рукой и провел ребром ладони себе по горлу. Она прикусила губу.

Гости к ним больше не приходили. Лиза робко спросила, не стоит ли им продать квартиру и купить что-нибудь поскромнее. Он назвал ее идиоткой и велел не распоряжаться его квартирой. Она спрашивала, откуда у него столько долгов, сколько он должен... Он просто выходил из комнаты или просил выйти ее. Она часто плакала, запершись у себя, и больше не задавала вопросов, чтоб не сделать еще хуже.

И в мае, в солнечном мае он велел ей убираться. Простыми словами, буквально в двух фразах. Не комментируя. Лиза вытрясла из него все, что смогла, и поняла наконец, что он решил жениться. Да еще на женщине старше себя, с ребенком, которая пока еще замужем, но от него без ума! На женщине без денег, без полезных связей... Но с немецкой фами-

лией. Лиза тогда не задумывалась над этим фактом, но теперь он представлялся ей в новом свете. Олег решил уехать, эмигрировать. Не платить долгов, деньги за квартиру взять только себе. Жена с немецкой фамилией, со знанием немецкого, с родней в Германии была ему просто необходима. Кроме того, у нее была работа, связанная с торговлей между Германией и Россией. Ее фирма собиралась открыть филиал в Кельне.

– Ну что ж... – сказала Лиза этим утром, лежа на диване и глядя в потолок. – Ты затеял скверную игру с этой женщиной. Но не со мной! Ты убил... Скольких человек ты убил? Теперь не знаю. Но я жива, и я буду жить. Мне нет дела до тебя. И я никогда тебя больше не увижу.

Глава 3

Женщина в розовом плаще шла по улице. Походка у нее менялась каждые несколько шагов: то она шла уверенно, быстро, торопливо стуча высокими каблуками, то вдруг начинала вилять из стороны в сторону, как будто собиралась повернуть назад, и снова спешила вперед. Прохожие поглядывали на нее, и она, заметив эти взгляды, вся сжималась. «Нет, я не могу, – сказала она себе, оглядывая высокие белые дома вдоль дороги. – Что я делаю? Какой позор...» Но было чувство сильнее стыда, и оно гнало ее все дальше. Она свернула с дороги, прошла между двух домов, оказалась в большом дворе. Здесь было много деревьев, еще совсем зеленых, и они плавно переходили в парк. Пахло травой, землей и свежестью. У женщины вдруг сильно закололо сердце, она снова замедлила шаг, прижала руку к груди: «Только этого мне не хватало!» Вытащила из кармана плаща бумажку с адресом, прочитала его еще раз, огляделась по сторонам и направилась в глубь двора. Вошла в подъезд высокого многоквартирного дома, поднялась на лифте, вышла. Перед ней была серая тамбурная дверь, на косяках – четыре звонка из разных квартир. Она подняла руку, чтобы позвонить, тут же опустила ее. Зачем-то попробовала дверь – она была не заперта. Женщина открыла ее и вошла в тамбур. Здесь было душно, горела слабая оранжевая лампочка, вдоль стен

стояла старая мебель, коробки, лежали связки газет. Квартира номер 22 находилась почти напротив нее. Как во сне, она подошла к двери, нажала кнопку звонка. Сердце в этот миг почти перестало биться.

Она ждала у двери долго, очень долго. По шее скатилась струйка пота, женщина в отчаянии провела по лбу рукой. Она уже хотела сбежать, как вдруг из-за двери послышался высокий девичий голос: «Андрей, это ты?» Женщина онемела, ничего не ответила. Дверь открылась. На пороге стояла девушка в белом махровом халате. Женщина увидела ее как-то странно, как в кошмарном сне – она показалась ей бесплотным призраком. Призрак был высокого роста, на голову выше ее, у него были растрепанные черные волосы, огромные голубые глаза – очень испуганные глаза с кукольными ресницами – и слабая улыбка на губах – неуловимая, как у архаической статуи...

Дольше молчать было невозможно. Девушка ни о чем не спрашивала, только глаза ее стали еще больше и испуганней, а улыбка угасла. Женщина сказала, пытаясь говорить очень спокойно:

– Простите. Вы – Лиза?

– Да, – неожиданно хрипло ответила девушка. – Что вам нужно?

– Я вас беспокою, потому что... Я хотела только узнать – он не у вас?

– Что? – совсем уже без голоса отозвалась девушка. – О

чем вы?

– Олег, Олег не у вас? – Женщина вдруг почувствовала такой стыд и такую боль, что резко повернулась и сделала шаг к лестничной площадке. Девушка схватила ее за рукав плаща – это вышло как-то по-детски, но вовсе не грубо, и уж совсем не было похоже на драку. Женщина остановилась, не поворачиваясь к ней. На глазах у нее были слезы.

– Вы хотите сказать, что он пропал? – спросила девушка. –
Зайдите, зайдите!

Женщина обернулась. Она совсем не так представляла себе эту встречу. Ожидала чего угодно – насмешек, оскорблений, просто захлопнутой перед носом двери. Но этот охрипший голос, детское лицо, эта рука, которая держала ее за рукав плаща... Когда женщина шла сюда, она дала себе слово, что ни за что не войдет в квартиру, независимо от того, будет там Олег или нет. А сейчас она шагнула и вошла.

Девушка заперла за нею дверь и нерешительно показала на кухню:

– Проходите, в комнате не убрано... Я сейчас.

Женщина прошла на кухню и опустилась на табурет. Мельком отметила дешевые обои, засаленный кухонный столик, посуду вроде той, какую увидишь в школьной столовой. На столе стояла чашка из-под кофе и пепельница со скрюченными окурками. В ванной шумела вода – девушка умывалась. Наконец она вошла – причесанная, порозовевшая, с мокрой челкой. Поставила чайник на плиту, убрала со сто-

ла пепельницу, и все это не говоря ни слова. Женщина тоже молчала – у нее просто не осталось сил, чтобы вымолвить хоть слово.

– Вы извините, я закурю, – сказала девушка после короткого молчания. – Хотите?

– Не надо, – прошептала женщина. Она подняла на Лизу глаза и спросила: – Вы ведь сразу поняли, кто я, верно?

– Да, – просто ответила та, затягиваясь сигаретой и открывая окно.

– Разве мы с вами виделись?

– Нет. – Лиза присела на подоконник. – Но он описывал мне вас. Не очень детально, но все же... Вы сердитесь на него за это? Не сердитесь. Это я все вытягивала из него.

Женщина как-то странно засмеялась, пожала плечами:

– Я тоже... Сознаюсь, я тоже заставила его описать вашу внешность. Но он очень плохо это сделал. Вы совсем другая.

– А он вообще не разбирается в людях, – заметила Лиза. – Я, правда, тоже. Так что случилось? Я поняла, что он пропал?

– Да. Вчера утром он ушел по делам и не вернулся. Ни вечером, ни ночью.

– Это с ним часто бывает, – небрежно сказала Лиза, хотя сердце у нее так и заколотилось. Она-то понимала, что могло случиться с водителем, который везет такой груз. – Он найдется. А в милицию вы не сообщали?

– Я пыталась что-то узнать. Думала, попал в аварию. Но

данных на такую машину не поступало. Знаете, дайте мне сигарету. – Женщина закурила, неуверенно затянулась и продолжала: – Я нашла его записную книжку, позвонила по всем телефонам. Всех переположила. Никто ничего не знает.

– Ясно. И вы решили, что он вернулся ко мне? – спросила Лиза. – Этого никогда не будет, не переживайте. После драки кулаками не машут!

– Я глупо сделала, что пришла. – Женщина потушила сигарету и зябко повела плечами.

– Да нет, не так уж глупо, – возразила Лиза. – Простите, вас Анной зовут?

– Да. Я не представилась, простите.

– Это не важно, зачем такие церемонии. Мне кажется, мы с вами достаточно знаем друг о друге. Вы немка?

– Что? – Анна удивленно посмотрела на нее. – Почему вас это интересует?

– Может быть, я вам объясню, – пообещала Лиза. – Вы немка, верно?

– Да. У меня русская мать, но отец немец. Ну и меня записали немкой.

– Олег говорил, что ваши родители уже в Германии?

– Отец уехал вместе со всеми родственниками, – ответила Анна. – А мама умерла несколько лет назад. У меня уже никого здесь не осталось.

– А вы почему до сих пор не уехали? – неожиданно спросила Лиза.

– Я? Но я ведь русская...

– И я тоже.

Лиза помолчала, потом тряхнула головой, потянулась за чайником, налила кофе в две большие кружки. Подала одну гостю.

– Глупые вопросы я вам задаю, да? – спросила она несколько виновато. – Больше не буду. Это ваше личное дело, почему вы остаетесь здесь.

– Здесь моя родина, моя работа, могила мамы, здесь родилась моя дочь, а Алиса считает себя русской, – объяснила Анна уже без раздражения. – И я не собираюсь никуда уезжать.

– А он?

– Кто? – Анна вдруг сжалась, лицо замкнулось. Лиза сразу поняла, что тронула болезненное место. Помолчав, та ответила: – Вы спрашиваете об Олеге?

– Да.

– Он несколько раз говорил мне, что хотел бы уехать, – холодно сказала Анна.

– Несколько раз?

– Да что там, каждый день. А почему вы спрашиваете меня об этом?

– Не хочу говорить, – ответила Лиза. – Давайте забудем.

– Нет, давайте поговорим! – настойчиво повторила та. – Меня интересует, почему вы задаете такие вопросы? Вы что-то знаете?

– О вас с Олегом? Как я могу что-то знать, если уже несколько месяцев мы даже по телефону не говорили. Я просто знала, что у него тяжелые материальные обстоятельства, что вы – немка... Предположила, что он захочет уехать с вами. Но это только мои догадки. Потому я и спросила.

Анна отпила из кружки и, глядя куда-то вдаль, сказала:

– Глупо рассказывать об этом именно вам, Лиза. Но мне почему-то кажется, что вы... Не знаю! – Она нервно усмехнулась. – Я никому не говорила об этом, никому. И уж никак не думала, что скажу вам. Да, он настаивает на отъезде, требует, чтобы мы готовили выездные документы. Были очень тяжелые разговоры на этот счет. Я не хочу ехать.

– А он вам угрожает, что, если вы не согласитесь... – начала было Лиза, но та оборвала ее:

– Он мне не угрожает! Он просто требует.

– Ну да. Требует, как умеет только он, – пробормотала Лиза. – От меня он требовал, чтобы я сидела дома, чтобы не пыталась чем-то заниматься. От вас требует, чтобы вы уехали с ним. Мой вам совет – оставьте его, пока не поздно! – Она заговорила горячо, перед глазами снова возникла вчерашняя сцена в кабинете – Олег, склонившийся над мешком. – Уйдите от него!

– Мне не нужен такой совет.

– Да... Несколько лет назад и мне такой совет был не нужен. Но сейчас я понимаю, что он был мне необходим. Он растопчет вас, у вас не будет своей жизни, он вас уничтожит!

Посмотрите на меня! Я была веселая, я была счастлива, что он меня так любит! Он вам говорил, что никогда не любил меня?

Женщина промолчала, а Лиза горько усмехнулась:

– Он вам врал!

– Скажите, Лиза, вы все еще хотите быть с ним? – спросила она, глядя в сторону.

– А вы думаете, что я нарочно вас пугаю! Нет, я его просто ненавижу теперь... Нет, не ненавижу. Я не хочу жить его жизнью, это поганая жизнь, я знаю! Слушайте... Он, конечно, не рассказывал вам ни о чем... Или врал. Я скажу за него. Когда мы с ним только что познакомились, я пришла к нему в гости. Кроме меня, там была развеселая компания его друзей. Они сильно выпили, очень сильно. Были на машине. И он, чтобы остаться со мной наедине, усладил их на Воробьевы горы. Он сказал, что мы поедем следом. Но мы никуда не поехали. А утром ему позвонили и сообщили, что эти ребята со своими девушками разбились. Погибли все, кроме одной девушки, но она попала в реанимацию, и выжила ли... Не знаю. Они ему мешали, и он их убрал. Он знал, что подвергает их опасности, что они почти не соображают, что делают, и все же выгнал их. Он вам ничего не рассказывал? Я так и думала.

– Они сами должны были понять, что нельзя садиться за руль, – ответила Анна, пожав плечами. – А вы обвиняете Олега?

– Да.

– Конечно, вам ничего не остается, как обвинять его во всех грехах.

– А вы злая, – тихо проговорила Лиза.

– Нет, но надо быть справедливым.

– Вот именно. Его нельзя оправдать.

– Он не виноват!

– Ладно. – Лиза раздраженно фыркнула. – Я могу вам только заметить, что вам-то ничего не остается, кроме как защищать его изо всех сил!

– Нечем крыть... – Анна развела руками. – Давайте не будем оскорблять друг друга.

– Давайте. И изображать взаимную любовь тоже не будем. Ладно? Это просто комедия какая-то! – Лиза налила себе еще кофе и, не поворачиваясь, стоя у плиты, спросила: – Так, значит, он пропал. А он вам не говорил, что собирается делать в этот день?

– Говорил, что есть срочные дела, но какие – не объяснил.

– А вы не уточняли. Ясно. И его приятели ничего о нем не знают?

– Все удивляются, куда он пропал.

– Они могут врать. – Лиза присела за стол, напротив Анны. – Ну, бог с ними. И он вам не звонил?

– Иначе бы я не пришла к вам.

– А меня как вы нашли?

– В его книжке был ваш номер телефона, ваше имя на-

против – Лиза. Я позвонила по этому номеру. Я знала, кому звоню, но что мне оставалось делать? Ответила какая-то женщина.

– А, моя мама, – кивнула Лиза. – Что вы ей сказали?

– Я не представлялась как вторая жена Олега, – грустно улыбнулась гостя. – Иначе бы со мной не стали говорить, мне кажется.

– Да, надо знать мою маму... Она была возмущена этой историей куда больше, чем я.

– Я только попросила вас к телефону. Сказала, что подруга. Она помолчала, потом сообщила, что вы здесь больше не живете. Я очень просила дать ваши координаты... Стыдно сказать, я думала, он у вас... Прошло всего несколько месяцев, а как раз накануне был такой тяжелый разговор... О Германии. Мы почти поругались, и он ушел в кабинет, не вышел даже поесть. Я думала, он обиделся, решил отомстить... Уйти к вам. Ваша мать дала мне адрес этой квартиры и телефон.

– Это вы звонили мне вчера вечером? – припомнила Лиза. – Довольно поздно?

– Я не стала вам звонить. Тем более вчера вечером. Я думала, что он еще придет. Сегодня утром потеряла всякую надежду. Наверное, я веду себя ужасно глупо! Ничего не могу с собой поделать. Отправила ребенка в школу, сама пошла к вам. Звонить не захотела. Не смогла бы говорить по телефону. Вот и все.

И вдруг она заплакала – как-то сразу, без паузы, как только кончила говорить. Склонила остриженную русую голову, закрыла глаза ладонью и затряслась. Лиза не сделала ни одного движения в ее сторону. Она сама не любила, когда кто-то ее утешает в такие минуты, говорит пустые слова. Да и что она могла сказать этой женщине? «Олег убийца, я вчера была в вашей квартире, чтобы обворовать вас, и видела его с трупом»? Лиза сидела неподвижно, сложив руки на столе, и двигала по нему пустую кружку. Анна справилась с собой, вздохнула, открыла сумочку, быстро поглядела в пудреницу и извинилась:

– Простите, ночь не спала. Расслабилась.

– Ради бога, расслабьтесь, – пожалала плечами Лиза. – И погодите, не впадайте в панику. Я бы на вашем месте не стала искать его. Он либо сам вернется...

– Либо вообще не вернется, так? – слабо улыбнулась та. – Я боюсь, с ним что-то случилось.

– И это может быть. Скажите, у вас вчера вечером или днем не было гостей? – осторожно спросила Лиза. Этот вопрос вертелся у нее на языке с самого начала. Лицо убитого мужчины не давало ей покоя, мучило ее, и именно потому, что казалось ей знакомым. Спросить о нем просто так она не смогла бы – Анна почувствовала бы неладное: откуда Лизе знать, что у них кто-то был. А под тем предлогом, что Лиза помогает искать Олега, спрашивать было можно. Анна встрепенулась и ответила:

– Вечером, когда все были дома, к нему пришел какой-то человек. Олег поговорил с ним у себя в кабинете, и вскоре тот ушел. Больше никого не было.

– Тот человек ушел? – Лиза так и приподнялась. – Вы сами видели?

– Что значит – сама? – удивилась Анна. – Олег так сказал, и я слышала, как он запирает за ним дверь.

– Значит, вы не видели, как он ушел... – Сердце у Лизы бешено заколотилось. – А ваша дочь?

– Она играла у себя в комнате, не думаю, что она что-то видела.

– А что вы слышали?

– Не понимаю, какое это имеет значение. – Анна сжала руки. – Я не подслушивала.

– Но вы что-то слышали? – настаивала Лиза. – Это имеет значение, поверьте мне!

– Какой-то шум из кабинета. Но они не ссорились, как мне кажется. Просто что-то упало. Может, стул.

У Лизы закружилась голова, как если бы она снова увидела труп. Все, о чем она думала вчера, оказывалось правдой.

– Этот человек ушел примерно в девять часов, – припоминала Анна, уже не дожидаясь вопросов. – Олег запер за ним дверь, и больше к нам никто не приходил.

– Олег не сказал вам, кто это был?

– Нет. Я спросила, но он мне не ответил. Хотя постойте... – Анна заволновалась, припоминая. – Знаете, когда

Олег впустил его в квартиру, я услышала, как тот человек сказал еще по дороге в кабинет: «Ну что, моя комната целая?»

– Его комната?!

– Да, так он выразился. Я не поняла, о чем шла речь, ведь квартира принадлежит Олегу.

– А вы видели того человека? Вышли в коридор?

– Да, конечно. Я вышла, когда в дверь позвонили, но Олег уже был там и отпирал. Это был мужчина лет под сорок, довольно приятная внешность, хотя совсем простая. Производил впечатление рабочего.

– Как он был одет?

– Я не обратила внимания, что-то обычное. Свитер и, кажется, джинсы... Вы знаете этого человека? Лиза, отвечайте! – Анна уже была вне себя, чего и опасалась Лиза. Она сделала невинное лицо и ответила:

– Я не знаю, может быть, я его раньше видела с Олегом. Не уверена, вы слишком плохо его описали. А имени Олег не называл?

– Они пошли вместе по коридору, а я снова вернулась в комнату. Смотрела телевизор, чтобы отвлечься... Это все было уже после нашей ссоры. По-моему, Олег как-то его называл, но они уже были далеко, и телевизор работал... Да, какое-то имя было.

– Ну вспомните, прошу вас!

– Боже мой, как же там было? – Анна помахала в воздухе рукой, словно помогая себе думать. – Этот мужчина спро-

сил: как его комната, цела? Олег ответил, что он сделал там ремонт.

– Он называл мужчину Витей? – не выдержала Лиза. – Так?

– Витя? Да, может быть... Или Митя, – согласилась Анна. – Что-то, что кончалось на «тя».

– Значит, я права! – воскликнула Лиза и тут же пожалела о своих словах – Анна так и вцепилась в нее:

– Кто это был?!

– Ах, это... – Лиза, припертая к стенке, старалась сперва что-то придумать, но потом решила: – Это был его бывший сосед по квартире. Когда мы с Олегом познакомились, там еще была коммуналка. Олег выкупил одну бесхозную комнату, потом переселил Витю куда-то на окраину. Я его почти не видела, только раз мы столкнулись лицом к лицу, и то в темноте... Но имя я помню, и раз он сказал, что комната принадлежала ему... Он имел в виду кабинет Олега. Раньше эта комната действительно принадлежала ему.

– Значит, Витя... Но как его найти?

Лиза испуганно посмотрела на нее. На миг ей показалось, что Анна сошла с ума. «Нет, это я уже начинаю сходить с ума, – поправила она себя. – Я все время держу в голове, что говорю о покойнике, а она ничего не знает, хотя была рядом, когда его убивали. Но за что, Господи, за что Олег мог убить соседа, с которым всегда ладил?! И они никогда за все эти годы не встречались, Витя не приходил, не звонил... И вдруг

появился! Странно как-то. Может быть, это связано с квартирой? Пришел потребовать еще денег, квартиры-то выросли в цене, а Олег задвинул его на самую окраину... А денег у Олега не было. И он... Какая чушь! Он мог просто послать Витю, откуда тот пришел, и тот ничего бы с ним не поделал. Потому что юридически Олег оформил все так, что не подкапоешься! Да, такие квартирные вопросы были его стихией, он и со мной все уладил в два счета. Виктор ни на что не мог претендовать. Тогда зачем явился? Они с Олегом не общались, Витя был простой работяга, Олег таких презирал. И почему случилось так, что Олегу вдруг стало необходимо его убить – тут же, не выпуская из квартиры?! Господи, ничего не понимаю...»

– Лиза, вы меня не слышите? – спросила Анна. – Я спрашиваю, как связаться с этим человеком?

– Понятия не имею. И вам это не поможет, – довольно резко ответила Лиза.

– Но почему?!

– Они не дружили. – Объяснение было не из лучших, но другого Лиза придумать не успела. – У них не было никаких общих дел. Думаю, он просто зашел на огонек.

– Я чувствую, вы что-то недоговариваете... – вздохнула Анна. – Ладно, если вы не хотите мне помочь... – Она поднялась, запахнула плащ. – Спасибо вам за разговор. Я, наверное, пойду. Мне на работу надо. Извините, что так ворвалась. И знаете, Лиза... Это, конечно, наглая просьба, но если

Олег все же явится к вам... Вы дадите мне знать?

— Он не явится. — Лиза тоже встала. — Он не любит смотреть, как плачут его бывшие любовницы. Не выносит слез. Очень сердится. Когда он вас бросит, не плачьте перед ним. Этот совет вам пригодится.

Анна остановилась, сжала в руках сумочку, повернулась к Лизе. Ее глаза стали очень светлыми и жесткими.

— Девочка, — сказала она напряженным тоном, — почему вы так уверены, что он меня бросит?

— Не знаю, как вас назвать в такой беседе... — Лиза пожала плечами. — Тетенька? Дамочка? Но в любом случае знайте, что этого не миновать.

Ее трясло от злости, но она пыталась не показать этого. Больше всего на свете она ненавидела, когда с ней разговаривали снисходительным тоном. Анна позволила себе как раз такой. Она помолчала, поджала губы, повесила сумку на плечо. Взглянула на Лизу, та ответила таким же взглядом.

— Простите, — сказала Анна. — Я виновата. Меня не должны трогать ваши слова. Нам вообще трудно нормально говорить, лучше я пойду. Держалась, держалась и сорвалась. Вы исполните мою просьбу, Лиза?

— Да. Я вам позвоню. — Лиза подошла к двери, чтобы отпереть. — И знаете... Когда он вернется, дайте мне тоже знать. Просто позвоните и скажите, что все в порядке. Мне этого хватит.

Анна молча склонила голову и вышла. Лиза заперла за ней

дверь, машинально пригладила волосы, вернулась в кухню, зажгла сигарету и встала у открытого окна, глядя во двор. Вскоре она увидела фигурку в розовом плаще. Анна шла медленно, с высоко поднятой головой, и Лиза могла бы поклясться, что та сейчас ничего не слышит и не видит. Она почувствовала даже какую-то странную радость, что во дворе идет не она сама, что это не ей пришлось искать Олега у другой женщины. «Она его очень любит, бедная... – подумала Лиза. – Вот именно – бедная. Это она жена убийцы, а не я. Но я – свидетель. Свидетель убийства. А я молчу. Преступление совершаю я, я все-таки остаюсь сообщницей Олега. Значит, Витя. Витя. Черт возьми, это невозможно понять! Он был бы последним, на кого бы я подумала! Скорее можно было предположить, что Олег пристукнет какого-нибудь кредитора. И где он сам пропал?! Он уехал прятать труп. С ним могло случиться все, что угодно. Милиция о нем пока не знает. Он им не попался. Где-то затаился? Решил вообще не возвращаться домой? Уехал навсегда с трупом в багажнике? Нет, он вернется. Он не может бросить квартиру, на Анну-то ему наплевать. Кажется, она уже начинает об этом догадываться. Влюблена в него, как кошка! Бросить мужа, взять с собой ребенка, выйти за человека младше себя, пусть ненамного, и вдруг понять, что это брак по расчету с его стороны... Нет, это слишком! По крайней мере, на мне он женился не из выгоды. А почему? Может быть, потому, что ему никогда до меня не попадались невинные девушки? Решил,

что хватит трепаться по бабам, пора завести домашнее животное – жену. А, плевать мне на него! Зачем я думаю об этом?» Но она все еще стояла у окна и смотрела, как фигурка в розовом плаще скрывается из виду.

Он больше не мог ждать. Он сидел в темноте и говорил, что больше не может. Надо было скорее выбираться отсюда, на улице было совсем светло. Он посмотрел на свои часы со светящимся циферблатом, тряхнул их, подвел. Прислушался к тому, что делалось на соседней даче. Выругался шепотом – там все еще раздавались голоса поддатых мужиков. Невозможно было вылезти из гаража у них на глазах. Он вторую ночь не спал, почти ничего не ел за прошедшие сутки и вымотался совершенно. Его мучило от запаха бензина, мучительно хотелось пить. Он прижался лбом к железной двери, облизал губы. Время от времени он впадал в какое-то оцепенение, на него находил бред, и тогда ему чудилась вода – холодная, шипучая, ледяная... Он жмурился, пытался прийти в себя, тихо ругался, снова прислушивался, снова закрывал глаза. Он никак не мог поверить, что такая глупость случилась с ним, когда все страшное осталось позади.

Эта ночь его доконала. А прошлой ночью он был уверен в себе, полон сил, его поддерживало нервное возбуждение. Ни Анна, ни девчонка ничего не заметили, ничего не поняли. Это было невероятно, но это было так. Именно тогда у него и появилось убеждение, что все удастся. А сперва он был в ужасе... Все случилось так быстро – он даже не успел

подумать, что делает. Витя отвернулся, чтобы посмотреть на часы – часы стояли на столе. В руке он держал бутылку джина – хотел угостить Витю. Бутылка была полная, он только собирался отвернуть крышку... Он даже ни о чем таком не подумал – его рука подумала за него. Она сама поднялась и сама опустилась – с такой силой, что даже спружинила от удара. Чмокающий глухой звук, больше ничего. Его больше всего поразило то, что бутылка не разбилась. Он помнил, как стоял, глядя на эту бутылку, как потом осторожно поставил ее на стол. Витя уже лежал на полу. Глаза у него были открыты, из раны в черепе вытекло немного крови. Все это заняло меньше минуты. Потом появились какие-то странные мысли. Нет, сперва был страх. Сначала был страх, и страх был страх... Как там в Библии... Мысли у него путались, он облизывал губы, язык обложила какая-то клейкая гадость. Выпить бы воды.

Он все ждал в ту минуту – вот откроется дверь кабинета, войдет Анна, закричит, убежит... Но никто не пришел. Целая бутылка стояла на столе, доньшко запачкалось кровью. Он все удивлялся, что бутылка уцелела. Потом он понял: никто ничего не слышал. Витя все еще в его кабинете, дверь закрыта, Анна смотрит телевизор, девчонка играет у себя. Теперь он мог что-то предпринять. Распахнул шкаф, выбросил оттуда какие-то вещи, подхватил Витю под мышки, приподнял, проводок, усадил туда. Ноги не помещались, как он ни старался. Наконец и они согнулись как надо, ис-

чезли в шкаф. Он хотел уже закидать его вещами, но подумал, что их запачкает кровь. Нашел старую майку, обмотал голову трупа, потом замаскировал его. Бутылку он вытер о маленькое красное полотенце, которое тоже валялось в шкафу – красное на красном не видно. Руки и стол – тоже полотенцем. Бросил полотенце в шкаф, закрыл дверцы плотно, как смог. Пожалел, что на дверцах нет замка, – пожалел только об этом. Никто не пришел, никто его не окликнул, никто ничего не понял... И тут у него сильно затряслись руки. Он опустился в кресло, все еще осматривая комнату – пол, стены, стол, все, что попадалось на глаза. Крови больше нигде не было. Отвинтил крышку на бутылке, выпил джина прямо из горлышка. Во рту запахло хвоей, рождественский запах, его любимый... Он глотнул еще. Ему показалось, что прошло по крайней мере полчаса с тех пор, как все случилось, но по его часам получалось, что все заняло минут семь-восемь. Можно было подумать, и он велел себе не торопиться. И так, никто ничего не видел. Но если кто-то сейчас войдет в кабинет – что вряд ли, – то он будет один. А у него гость. Значит, сперва гость должен уйти, а все остальное – потом.

Он встал, нарочно громко топая, резко открыл дверь из кабинета, бросил взгляд в коридор – никого, все двери закрыты. У девчонки в комнате свет, в столовой темно, там Анна смотрит телевизор. Она не выйдет, он уже изучил. Обиделась. Он громко прошел по коридору, произнося всякую чушь: «Ну ладно, ты мне завтра позвони вечером, ес-

ли что... Молодец, что зашел. Ага, пока!» Отпер входную дверь, подождал секунду, закрыл ее на все замки. Обернулся – никого. Выругал себя, что так трясется. «Это не самое страшное, – сказал он тогда себе, – Анна все равно будет молчать». Он сразу вернулся в кабинет и в тот вечер больше не выходил оттуда, и спал там. Он не мог оставить шкаф без присмотра. И не желал никого видеть.

Он лежал на диване, не постелив даже белья – не хотел открывать шкаф. Свет он погасил. Анна пришла, поскреблась в дверь, его так и подбросило. Он вскочил и успел-таки – не дал ей войти, встретил на пороге. Она была в голубом халате поверх ночной рубашки.

– Ты не ложишься? – спросила она его виноватым голосом. Значит, смирилась. Он постарался ответить спокойно, хотя его трясло:

– Я посплю здесь, надо кое-что обдумать на завтра. Ты иди, спи.

– Ты хоть постели себе... – Она посмотрела на диван.

– Постелю, когда буду засыпать. Иди, иди...

Он заставил себя поцеловать ее, и она тихо ушла. В детской, напротив, было темно. Он возвратился и снова лег. Мысли являлись быстро, одна за другой. Главная трудность состояла в том, чтобы вынести его из дому. Когда выносить? Когда уйдет Анна и девчонка тоже. Значит, утром. Утром в переулке толчея, на него обратят внимание. А может, как раз наоборот, не обратят? В доме ремонтируются многие квар-

тиры, постоянно выходят рабочие с мешками мусора, грузят у подъезда на машину... Значит, нужен мешок. Где его взять? Этот вопрос мучил его больше всего. Мешок нужен большой, непрозрачный, крепкий, непромокаемый, с завязкой. Мешки для мусора – бумажные, открытые. И они слишком малы, это исключено. Он вспомнил, что видел нечто подходящее в спортивном магазине неподалеку. Какой-то здоровенный прорезиненный чехол, то ли для байдарки, то ли для палатки. Надо будет узнать, какого он размера. Значит, ему с утра надо будет наведаться на Солянку, в магазин, потом вернуться. Но есть опасность, что его там запомнит продавщица – он недавно покупал в том же отделе теннисные ракетки. В конце концов он решил не думать над такими мелочами. В этот магазин он почти не ходит, и там всегда столько народу... И каждый имеет право купить себе чехол для лодки. Итак, утро. Он отвезет Алису в школу, потом заедет на Солянку, вернется. Надо будет спускаться на лифте, надо будет не попадаться соседям на глаза... Впрочем, какие тут соседи! Пять-шесть старух да работяги, которые делают ремонт. Его не заметят, утром тут тихо. И самое главное – надо будет вытащить мешок на улицу, запихать его в багажник... Плевать! Он сильный, он сделает это. А дальше все будет просто. Он знает, куда ехать. Вот уже три месяца он там не бывал, но ключи у него есть, и дача по-прежнему в его полном распоряжении. Димка уехал на работу в Словакию, уехал уже почти год назад, а ключи от дачи дал ему: «Поль-

зуйся, когда захочешь от жены отдохнуть!» Он пользовался. Тогда еще была Лиза. Но она уже научилась молчать, а Анна еще нет. Лиза не спрашивала, куда он исчезает на сутки, она вообще почти ничего не спрашивала. Никто не знает, куда он ездит, кроме двух-трех девиц. Приятелей он туда не возил, таково было условие Димки. Тот сказал: «Дамы – дело святое, но массовых гулянок там не устраивай!» Но ему, Олегу, было уже не до гулянок. И расслаблялся он с трудом, ничто не приносило больше радости. Потом он вообще перестал ездить туда – развод, женитьба и все остальное... И вот ключи опять пригодятся. На участке есть маленький домик и гараж. В дом он входить не будет. Приедет, поставит машину в гараж, вытащит там мешок, оставит, потом проедется по окрестностям, найдет подходящее место. Неподалеку от дач есть лес, а в нем – маленький прудок. Точнее, два пруда – один другого меньше, их соединяет перешеек. Пруды загнивают, а в перешейке, как говорят, слой ила на дне около метра. Там сроду никто не купался, а сейчас тем более – осень. Он сбросит в протоку мешок. Никто и никогда его не обнаружит. Главное, чтобы его не заметили соседи...

Той ночью ему не удалось заснуть. Он ворочался на диване, то и дело смотрел на часы, и ему казалось, что до утра еще целая вечность. Утром, умываясь, он увидел у себя круги под глазами. Плеснул в лицо водой, наскоро побрился, плотнее запахнул халат. Вышел на кухню. Анна уже сервировала завтрак на троих.

– Доброе утро, – сказал он и поцеловал ее в мягкую белую шею. Она как-то по-птичьи пригнула голову, посмотрела на него, счастливо улыбнулась. Конечно, она была рада, что он уже забыл вчерашний разговор. Нет, он больше его не начнет. Ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшие дни. Во всяком случае, пока не поймет, какая сумма оказалась в его распоряжении.

Он сел за стол, и Анна торопливо налила ему кофе, поставила перед ним тарелку с омлетом. Он посыпал омлет зеленью, положил два ломтика ветчины и принялся есть. Ел жадно – аппетит проснулся волчий. Анна смотрела с умилением – ей нравилось, когда мужчина ест много. Сама она сидела на диете – крохотное блюдечко с тертой морковью, стакан обезжиренного молока. Ее розовое простое лицо было таким умиротворенным и домашним. Он подумал о ней. Что он будет делать, когда все кончится? Она еще может пригодиться, баба деловая, с ней не пропадешь в чужой стране. А нужна ли ему теперь чужая страна? Он может остаться здесь. Да, все изменилось в какие-то пять минут. Он не знает, сколько там денег, но думает, что с долгами расплатится. Только бы не продавать квартиру! Квартиру он любил нежно, как, пожалуй, никого и ничто на свете не любил. Это его прошлое, его детство, отец и мать, все его воспоминания...

– Еще кофе? – встрепенулась Анна, увидев, что его чашка пуста. Он кивнул, она налила ему полную чашку, как-то замялась – хотела что-то сказать.

– Знаешь, – решила наконец она, – если ты всерьез решил выучить немецкий, тебе надо пойти на курсы. Я плохой учитель.

Он удивленно поднял брови. До сих пор немецкий, Германия и все, что было с нею связано, – все это было запретной темой. Стоило заговорить об этом, как Анна гасла, замыкалась, начинала отчаянно возражать и сопротивляться. И это она, которая была влюблена в него безумно уже второй год! Он никогда не думал, что эта женщина сможет в чем-то ему отказать.

Они познакомились случайно, как он вообще знакомился со всеми своими будущими любовницами. Тогда, полтора года назад, дела у него шли совсем неплохо, никаких кредитов он не брал. Привозил из Эмиратов заказы для одной фирмы, где работали сплошь его приятели. Сам он в той фирме не числился, вообще не любил состоять у кого-то на службе, привык к свободе. Да, как-то он одним ударом заработал кругленькую сумму и решил поменять машину – «Вольво» надоел. Он спланировал поездку в Германию, разумеется, без Лизы. У него была другая кандидатка на место в машине рядом. Он уже представлял себе веселое маленькое путешествие, остановки в придорожных мотелях, ресторанчики, ощущение податливой, послушной силы, которое он просто обожал в новых машинах... Лиза, узнав, что она не едет, закатила скандал. Он только отмахивался, и ей не удалось испортить ему настроение. И вот в один из чудесных

весенних дней, совсем незадолго перед поездкой, он встретил в центре города Наташу. Узнал ее сзади – ее крохотный рост, вызывающую походку, безвкусную манеру одеваться. Обогнал, заглянул ей в лицо.

– Вот мистика! – воскликнула та. – Какой ты стал солидный! Даже поседел или нет?

И привстала на цыпочки, чтобы разглядеть его макушку. Он засмеялся, взял ее под руку, и они вместе пошли по Тверской. Наташа щебетала какую-то чепуху насчет своих планов на лето и вдруг спросила:

– А ты куда не собираешься?

– В Германию за машиной, – ответил он, – поменяю «Вольво».

– Класс! – восхитилась она. – Дела идут хорошо, да? А как там Лиза?

– Нормально, – неохотно ответил он и предложил: – Завернем в бар, выпьем чего-нибудь?

Но Наташа повела глазами, подрисованными до самых висков, заслонила лицо ярко-синей муфточкой – последний писк сезона! – и протянула:

– Нет, меня ждут...

– Значит, ты меня совсем сбросила со счетов? – спросил он обиженно.

– Тебя? – Она расхохоталась напоказ прохожим, которые глазели на эту парочку. – Это ты меня бросил, между прочим! Решил сохранить невинность! Но я не в обиде. Знаешь,

меня действительно ждут, так что не сердись. Если захочешь, можем как-нибудь встретиться... Если у меня будет время.

«Вот соплюха! – воскликнул он про себя. – Если у нее будет время!» И чуть не послал ее подальше, как вдруг, наморщив лобик, она что-то припомнила и сказала:

– Так ты в Германию едешь? Скоро?

– Буквально на днях.

– У мамы есть одна подруга на работе, у той родня где-то во Франкфурте... Ты туда не заедешь?

– Я вообще собираюсь по всей Германии проехаться, – соврал он, чтобы пустить ей пыль в глаза. – А может, и дальше по Европе махну.

– С Лизой? – сощурилась она и, не дожидаясь ответа, сказала: – Этой бабе надо что-то передать родне в Германии. Она сама пока не собирается туда ехать, а посылать – долго. Искала оказию. Возьмешься? Она тебе заплатит.

– Ладно, – ответил он, почти пропустив ее слова мимо ушей. – Дай ей мой телефон, пусть позвонит.

И Анна позвонила. В тот же вечер он впервые услышал ее голос. Очень деловым тоном она назвала свое имя – Бахман Анна Викторовна, сообщила, что ей нужно передать кое-какие книги и фотографии, и предложила за услугу сто марок. Он помедлил с ответом, и она забеспокоилась:

– Вам нужно больше?

– Да ничего мне не нужно, – неожиданно ответил он. – Я старый друг Наташи, так что какие могут быть счета!

– Да, но вы не мой друг... – растерялась она. – Ну, если вы не хотите денег...

– Где мы встретимся? – спросил он, и они договорились о времени и месте.

Анна ему не понравилась: ростом не удалась, полновата, широка в кости, слишком простое лицо, никакой изысканности. То есть у нее были как раз те «технические параметры», которых он в женщинах не любил. Он забрал у нее сверток, кивнул и уехал в своей машине, даже не предложив подвезти. И в тот же день случилось нечто. Он приехал в фирму, и ему прямо заявили, что в его услугах не нуждаются – теперь будут торговать напрямую с Эмиратами, время одиночек проходит. Олег еще покрутился там, совершенно растерянный, ему выплатили какие-то деньги за товар, попрощались, и больше он там не показывался. Он не слишком переживал и все еще не понимал, что это начало конца. Знакомых у него было множество. Решил еще перед поездкой в Германию уладить вопрос с работой и обратился в другую фирму. Его друг потрепался с ним, попил кофе, выкурил сигаретку и мягко сказал, что лучше бы ему, Олегу, найти себе какую-то должность. Олег настаивал, тот отказывал. Они поругались, и тут он впервые ощутил тревогу. Именно эта тревога заставила его пойти на такой шаг, который раньше казался ему безумием. Он заручился обещанием одной фирмы – найденной с трудом – купить у него большую партию кейсов для видеокамер. Из Эмиратов Олег собирался привезти

их за свои собственные деньги. Фирма обещала расплатиться на месте. Из-за этих новых комбинаций поездку в Германию пришлось пока отложить. Лиза обрадовалась, Олег помрачнел. О посылке, лежавшей в шкафу его кабинета, он совсем тогда забыл – было не до того. Собрал деньги и поехал в Эмираты. Застрял там надолго – пришлось почти неделю ждать, пока ему достанут эти кейсы. Он приходил в магазин каждый день – утром и вечером, и индус отвечал ему одно и то же: «Завтра, пожалуйста!» Наконец кейсы привезли, но цена оказалась куда выше той, за которую он сторговался. Еще один день он надрывался до хрипоты, выходил из себя, подарил индусу бутылку водки и сбавил цену, но ненамного. По его расчетам выходило, что, как только он приедет в Москву и сдаст товар, ему не удастся отдохнуть и придется ехать еще раз, чтобы что-то заработать.

В Москве его ждал неожиданный удар. Фирма, с которой он договорился (конечно, устно!), заявила ему, что кейсы им уже привезли, и по меньшей цене, и доходчиво объяснила, что он теперь может сделать со своими кейсами.

Скандал ни к чему не привел. Впервые в жизни он почувствовал, что теряет почву под ногами. Олег заметался, товар удалось сдать по цене, едва превышающей закупочную. Если учитывать расходы на поездку, он остался в убытке. Такого с ним никогда еще не случалось, хотя за годы одинокой коммерческой деятельности было всякое. «Мне везет», – говорил он часто себе и друзьям. И действительно, ему вез-

ло все время, вплоть до последнего момента. Но он все еще отказывался признать, что слепое счастье ему изменило, что изменилось само время. Снова собрал деньги и поехал за товаром. На этот раз все как будто обошлось, товар он сдал, но выплату денег ему задержали... Ненадолго, на пару недель... Но эти две недели он сидел как на иголках, со связанными руками. Его характер резко портился, он ни за что ни про что кричал на Лизу, увидел ее испуганные детские глаза и разозлился еще больше. Новую поездку он спланировал с размахом. Ему казалось, что именно размах поможет поправить дела. Он взял первый кредит – из пятнадцати процентов в месяц. Поездка принесла ему небольшой барыш, он выплатил проценты и продлил срок кредита еще на месяц. Уехал снова. Время несло как сумасшедшее, он лихорадочно крутился, но все это сводилось к бегу на месте – кошмарному бегу, как во сне, когда тратишь массу сил, а продвигаешься всего на шаг-другой. Когда пришло время платить проценты, у него не оказалось свободных денег – они были вложены в товар. Он выговорил себе отсрочку, но процент ему повысили. Теперь он составлял двадцать в месяц, включая неоплаченные проценты. Он впервые почувствовал, что делает что-то не то, и решил исправить положение – покончить с кредитом, проценты по которому все нарастали... Для этого он сделал следующий шаг – взял еще один кредит, больший, чем первый. Как раз в это время ему снова позвонила Анна.

Он не сразу понял, кто с ним говорит, а когда понял, ничуть не смутился. Эта женщина вообще не относилась к числу тех, которые могли его как-то смутить. Поэтому он очень небрежно ответил:

– Ах да, верно! Ваша посылка? Я не смог поехать, ничего не получилось. Сейчас слишком много работы. Я ее вам верну. Где? Когда?

Она растерянно сказала:

– Когда хотите... Почему же вы мне раньше не сказали, что не поедете? Я давно нашла бы другой способ передать.

– Извините, ради бога, – так же небрежно ответил он. – Ну, так где я вас увижу?

На следующий день, когда они встретились в городе, он заметил, что она принарядилась. Какой-то более яркий костюм, подрумяненные скулы, блестящие глаза. Передавая ей пакет, он спросил из вежливости:

– У вас какое-то торжество?

– У меня? – растерялась она. Эта взрослая женщина могла быть совершенно беспомощной, хотя не более чем на минуту. – У меня... Ничего. Просто настроение хорошее.

– Завидую! – искренне сказал он. Она быстро спросила:

– У вас какие-то неприятности?

– Мелкие, не стоит говорить. Знаете, я все же перед вами провинился. Давайте куда-нибудь зайдем и отметим примирение.

Она сразу согласилась, чего он не ожидал. Он отвел ее

в недорогое кафе, взял её сок – она отказалась пить что-то крепче, вообще отказалась от всего, что он ей предлагал. Сам он взял коньяк, закурил, попросил её рассказать о себе. Она смутилась снова, неуверенно сообщила, где работает, чем занимается.

– Вы замужем? – спросил он неожиданно для себя. Как она покраснела! Как девочка, у которой спросили, нравится ли ей какой-нибудь мальчик... Он в ту минуту ясно понял, что этого вопроса она очень боялась, и боялась именно в его устах. «А бабочка-то влюбилась... – лениво подумал он. – Господи, но почему они все на один лад! Такие дурищи...» Он прекрасно знал, какое впечатление производит на женщин, и это сознание собственной привлекательности давно не щекотало ему нервы. Он привык. А она так и пылала, когда ответила:

– Я замужем, у меня дочка... Алисе шесть лет.

– Какая большая! – бестактно заметил он и продолжал: – А родня в Германии откуда?

– Мой отец немец, – ответила она. – Все родственники с его стороны и он сам уже уехали.

– А почему вы до сих пор тут? Я бы непременно уехал, если бы мог.

– Я не могу.

– Почему?

– Просто не могу.

Он подвез её на работу, попрощался и не виделся с ней

несколько месяцев. За это время он скатился в пропасть. У него было несколько кредитов с невыплаченными процентами, мизерные заказы и никаких видов на будущее. Запутался, как в паутине. Теперь он видел все свои ошибки, все промахи, все глупости... И проклинал себя за слепоту, за самоуверенность, за все на свете. Лизе в это время лучше было вообще не показываться ему на глаза. Он ее просто возненавидел, без особых причин, только потому, что все было так ужасно. «Лиза, в отличие от машины, – роскошь, а не средство передвижения! – шутил он с теми знакомыми, которые у него еще оставались. – Она вообще ни к чему не пригодна, кроме траты денег. Ей хоть миллион в день давай – все равно истратит». Его слова насчет миллионов были сильным преувеличением. Лиза в эту пору не получала почти ничего, за исключением денег на еду. Тогда-то у него и явилась первая мысль о побеге. Сперва это было очень туманно – так, просто сознание того, что ему не выпутаться. Оставалось сбежать как можно дальше, укрыться понадежнее и никогда не возвращаться в Москву. Сама эта мысль для него, коренного москвича, была ужасна. Но вскоре он задумался над этим серьезней. Сбежать? Почему именно сбежать, когда есть слово «уехать»? Куда? Он чистокровный русский, Израиль исключен, да там вовсе не рай на земле. Америка? Только там его и ждали! Словакия? Денег на покупку недвижимости и на разные формальности нет. Другой город в России? Еще чего!

Анна подкараулила его на улице. Он сразу это понял, ко-

гда увидел ее смятение. Она стояла на углу того перекрестка, где он жил, и делала вид, что собирается перейти улицу. Наверное, простояла так не меньше часа, потому что совсем окоченела – была осень.

– Привет, – сказал он, подходя к ней. – Какими судьбами?

– Ах, это вы... – Она пошла рядом с ним, стуча каблуками, отводя взгляд. – Я случайно шла мимо...

– Удивительно... Как у вас дела? – вяло спрашивал он.

– Да так... Я ведь одна здесь осталась, все уже уехали. И русские, и немцы. – Она рассмеялась. – Вся семья там.

– Во Франкфурте? – вдруг припомнил он, и серая московская улица внезапно озарилась новым светом. Решение пришло молниеносно. Это было так просто, проще быть не могло. И русские, и немцы. Вся семья. Господи, какой он был дурак! Что там она плела насчет мужа и дочери? Стоит только посмотреть на ее лицо, и сразу станет ясно – она на все пойдет. Если влюбляется женщина такого склада, то это очень серьезно, очень. Конечно, она будет страдать и терзаться, долго и упорно, но сделает все, что скажет он. Олег взял Анну под руку, пожал ее холодные маленькие пальцы...

– Пойдемте куда-нибудь, – сказал он. – Я давно хотел вас увидеть...

...И вот теперь, за завтраком, она вдруг заговорила на запретную тему. Да, она пошла ради него на все – развелась в кратчайшие сроки, бросилась к нему, как сумасшедшая... Но сделать еще один шаг – уехать с ним – отказывалась. Нет,

ему снова начинало везти! Судьба помучила его и отпустила. Сперва одно, потом другое. Деньги, можно считать, уже у него в кармане. Анна скоро согласится. Он допил кофе и погладил ее по щеке.

– Я пойду на курсы, дай только закончить одно дело. Вечером поговорим.

Он отвез Алису в школу. Девчонка всю дорогу молчала. Ему вообще не нравились чужие дети, а своих у него не было. Уж эта точно была не своя! Слова не скажет, смотрит куда-то в сторону. Он дарил ей игрушки, а она сажала в угол всех этих здоровенных медведей и слонов и не прикасалась к ним больше. В то утро она вообще была точно каменная. Он высадил ее у ворот школы и поехал назад. В магазине на Солянке купил прорезиненный чехол – подходящего размера, как ему показалось. Приехал домой, поднялся со свертком в квартиру, открыл шкаф... Вытаскивать тело было трудно и противно, его прошиб пот. Особенно мешали ноги – опять! Наконец он завязал мешок, вытер лоб. Надо было спешить. Он поволок мешок к выходу, отпер дверь, послушал, нет ли кого в подъезде... Было тихо. Спустился с мешком на лифте, выволок его из подъезда. Его расчет был верен – на него не обращали внимания. Мало ли зачем человеку битком набитый мешок! Может, вещи перевозит.

Багажник закрылся легко, он торопливо обошел машину, сел за руль. Дорога была ему хорошо знакома, но он удерживался от желания припустить на большой скорости. Ехал,

как новичок, старательно соблюдая все правила – не хватало только засветиться перед милицией! Но все обошлось. Через полтора часа он подъезжал к даче. На подъезде был очень осторожен – высматривал людей на соседних участках. Но никого не увидел – день был будничным. Ему везло, он как заклинание повторял про себя: «Мне везет, мне чертовски везет!» Открыл ворота, завел машину в гараж, прикрыл двери, включил свет. Вытащил мешок из багажника, прислонил его к стене. Тишина, удивительная тишина... У него вдруг затряслись руки, он полез за сигаретами и, уже поднося зажигалку, вдруг услышал нечто ужасное... Голоса, совсем близко! Разговаривали мужчины, судя по звукам, их было много, целая толпа! Он похолодел, подкрался к дверям гаража, выглянул в щелку. Никого не увидел. Но голоса раздавались теперь совсем рядом. Он понял, что говорят на соседнем участке слева. Выругался. Как же он не слышал подъезжающей машины! Нет, он ничего не слышал, никого не видел... Может быть, они все время были тут, только в доме или за домом?

Он прислушивался изо всех сил, так что у него даже заболела голова. Из разговора уловил, что они собираются чем-то заняться тут, на даче. Чем? Ответ скоро явился. Хозяин привез сюда рабочих, и они все вместе собрались крыть заново крышу!

Олег опустился на пол, ноги его не держали. Выехать из гаража у них на глазах?! Исключено, безумие. Сосед его зна-

ет в лицо, пару раз Олег занимал у него спички, соль, какие-то мелочи. Сосед потом выдаст его, вспомнит, что он был тут. Это было невозможно, недопустимо.

Загремело листовое железо, кто-то искал лестницу, кто-то предлагал сперва выпить, другие отказывались – это после работы! Значит, они расположились тут надолго, может быть, с ночевкой... Олег сжал зубы. Посмотрел на часы. Время его подстегивало, надо было вернуться домой до прихода Анны. Надо было забирать девчонку из школы, это его обязанность. Он не приедет в школу, девчонка устроит панику. Нет, она не устроит, но ее мать! Анна сойдет с ума, заявит в милицию... Значит, надо выбирать. Труп придется спрятать завтра, когда они уберутся отсюда. Он не может сразу везти тело к озеру, сперва надо осмотреть место, прикинуть, куда тащить, где сваливать... Машину в это время придется оставить на дороге, к озеру вплотную подъехать нельзя, там деревья, подлесок... Оставить машину с трупом?! Исключено. Нужно ехать наверняка, чтобы сделать все очень быстро, не таскаться по лесу с мешком. Мешок тяжеленный. Одно дело – тащить его по гладкому паркету, совсем другое – по лесу... Надо дожидаться, когда они уберутся за дом или пойдут на кухню есть, и быстро выезжать! Он вернется завтра.

Они никуда не убрались – залезли на крышу и с веселым матерком принялись за работу. Если бы он выехал из гаража, у него была бы куча свидетелей. Ели они тоже во дворе – была хорошая погода. Он все время слышал их голоса, и они

сводили его с ума.

Время шло. Уже стемнело, мужики затеяли шашлык – хозяин угощал. Перед домом установили мангал, до него доносился аппетитный запах маринованного мяса. Скулы сводило – невыносимо хотелось есть и пить, особенно пить. Он сидел на полу и ждал полной темноты. Тогда они уйдут!

Они не ушли. Точнее, ушли почти все, но двое оставались во дворе – хозяин с близким приятелем. Они выпивали понемногу, говорили о всякой чепухе... Олег корчился от ярости. Если бы он выехал из гаража сейчас, это произвело бы на мужиков неизгладимое впечатление – ведь они видели, что на соседнем участке никого нет! «Надо было уезжать раньше! – ругал себя Олег. – Это бы не так бросалось в глаза! Болван!» Анна, конечно, уже ищет его, сходит с ума. Он отдал бы все, чтобы позвонить ей. Но даже этого он не мог. На рассвете проснулись остальные гости, вывалили во двор, начали опохмеляться... К этому моменту у него начался бред. Голову ломило, глаза болели, язык пересох. Он сказал себе, что просто простыл за ночь в железном гараже. Можно было поспать в машине, но он так боялся пропустить момент, когда можно будет уехать... Ночь не подарила ему этого момента. Одна надежда была на то, что они закончат работу и скоро уберутся отсюда. Так и было – они собрались в путь. Он не верил своему счастью – хозяин вывел из гаража «Газель», все набились туда и весело покатали прочь. Олег больше не мог ждать. Выскочил наружу, жадно глотнул све-

жего, не отравленного бензином воздуха... Голова немного прояснилась. Надо было выпить воды и уезжать. Сейчас у него не хватило бы сил, чтобы возиться с мешком. Риска не было – Димка далеко, ключи есть только у него. Никто не наведается в гараж. Он отпер дом, нашел какую-то подозрительную воду в чайнике, может быть, даже сырую, и выпил ее всю до капельки. Зашел в туалет, помочился, вернулся в гараж и уселся за руль. Руки и ноги были слабые, будто ватой набитые, голова – совсем пустая. Но самое страшное было позади. Он забудет это как кошмар. Скорей в Москву!

Он включил приемник, принялся даже подпевать «Смоки»: «Вот кэн ай ду?! Вот кэн ай ду-у-у... – Что я могу сделать?» – переводил он, следя за дорогой. – Я сделал все, что мог, и даже немножко больше. Теперь приеду, выкупаюсь, и спатеньки. Съем огромный кусок мяса, напьюсь, приласкаю Анку... Все будет нормально. Совру ей что-нибудь. Блин, глупо все вышло, но могло быть хуже! Главное – я свободен!»

На шоссе позади себя он уже некоторое время видел машину – новенький бордовый «Ниссан». Отмечал его мельком, говоря себе: «Ну, теперь держись, Германия! Наконец поменяю машину. Да что там машину!» Какое-то туманное облако возникло вдруг перед глазами, он испугался, тряхнул головой, видимость снова стала четкой. «Плохо дело, – подумал он, – две ночи не спал. Надо быть осторожней...» «Ниссан» следовал за ним, хотя давно мог его обогнать, –

Олег поехал медленней. Впереди показалась бензоколонка, он вспомнил про Анну. «Позвоню ей, – решил он. – Пока доеду до Москвы, она совсем рехнется!»

Олег заехал на заправку, припарковался, попросил долить бензина, а сам бросился звонить. Дома никого не оказалось, он набрал рабочий телефон Анны. Ее обещали позвать. Пока он ждал, бордовый «Ниссан» пристраивался в хвост его машине. За рулем сидел мужчина, лица Олег не мог различить. Анна наконец подошла. Голос у нее был больной.

– Да? – спросила она и, услышав его голос, воскликнула: – Господи, ты! Где ты?!

– Аня, я все объясню, не думай дурного... – заговорил он, перебивая ее. – Приеду, все объясню. А ты сейчас езжай домой, срочно!

– Что случилось?

– Сказал – объясню! Сиди дома, никуда не выходи, никому не открывай, слышишь?

– Ты в опасности? – прорыдала она. Он взбесился:

– Езжай домой, ну?! Главное, будь в квартире и ни одну живую душу не пускай! Все, отбой, скоро буду!

Он повесил трубку, вернулся к машине. Когда тронулся с места, тронулся и «Ниссан». «Вот прицепился! – злобно подумал Олег. – Мало ему дороги!» Отъехав от бензоколонки, он нарочно сбросил скорость, полз еле-еле, чтобы его наверняка обогнали. «Ниссан» тоже пополз. Держался точно на хвосте. Олегу стало дурно, голова снова закружилась. Сам

не понимая, что делает, он остановил машину. Случилось ужасное – «Ниссан» тоже остановился. Просто стоял позади. Водитель не выходил. «Что это значит? – Олег в ужасе почувствовал, как затряслись руки. Они так и прыгали на руле, он их убрал, выключил зажигание. – Кто это? Машину я не знаю, я с ума сойду! Он следит за мной?! С каких пор?! Почему?! Если с дачи – это не имеет связи с тем, что случилось. А если с самой Москвы? Со вчерашнего дня?! Я тогда ни на что не обращал внимания, и машин было много... Черт, кто это такой?!»

Он поступил так, как никогда бы не поступил, случись это раньше. Раньше он попытался бы оторваться. Теперь у него не было на это сил. Он хлопнул дверцей, вышел из машины и подошел к «Ниссану». Нагнулся к приоткрытому окну рядом с водителем. Нет, он не знал этого человека.

– Ну что такое? – заплетающимся языком спросил Олег. – В чем дело?

– Садись в машину и езжай вперед, – ответил тот. – Живо!

– Что?

– Езжай вперед, – повторил тот. – Быстро, я не буду разбираться здесь.

– Кто вы такой?

– Езжай вперед, ублюдок, – спокойно ответил мужчина. Стекло поползло вверх, скрыло его лицо. Олег на подгибающихся ногах пошел к своей машине, плюхнулся на сиденье. «Конец, – подумал он, – он знает. Кто это?» Рука сама

включила зажигание, тронула руль... Он медленно тронулся с места. «Ниссан» – тоже.

В глазах у него было темно. Он видел только кусок дороги перед собой и машину в зеркальце заднего обзора. Все остальное исчезло. Мысли тоже исчезли. Завороженный, словно кролик перед удавом, он полз по дороге, которая все больше завлакивалась туманом. Туман? Откуда взялся туман? Он тряхнул головой, увидел ясное солнечное утро и снова погрузился в серую муть. Висок раскалывался от боли. Машина – бордовый кошмар – мучила зрение, отражаясь в зеркальце. Медленно, не отдавая себе в том отчета, он прибавлял скорость. И все же он ехал медленно, ведь машина сзади не отставала. Ей все было нипочем. Он прибавил еще. Напрасно. «Это бесполезно, какой-то туман, Боже мой, я ничего не вижу... Кто-то поет про господина Ревность... Патрисия из приемника. Дура. Надо выключить. Как я выключу, я забыл, как это делается. Да вот так».

Он протянул руку, рука выключила приемник. Теперь все было хорошо. Скорость достаточная, почти восемьдесят. Если бы еще тот пропал! Но он был рядом. Олег прибавил скорость, теперь было девяносто. Туман стоял ужасный, в метре ничего не видно. Солнце больше не появлялось. Навстречу метнулся поворот – нет, это он метнулся навстречу повороту, его сонные онемевшие руки выворачивали руль так долго, так бесполезно... Момент удара был крохотный – сотая доля секунды, нет, тысячная доля на скорости больше девя-

носта... Потом в тишине открылись огромные голубые глаза – как два окна в неведомый мир. Глаза открывались все шире, он провалился в них на скорости сто, сто двадцать пять, триста, миллион... Тогда он узнал их. Так могла смотреть только она.

Глава 4

– Мама, а почему мы идем домой? – спросила девочка, поудобнее пристраивая на плече рюкзачок.

– Что? – нервно переспросила Анна, едва повернув голову в сторону дочери. – Потому что так надо.

– Почему? – настаивала девочка.

– Не спрашивай, если тебе уже ответили, – раздраженно ответила Анна. – Можно подумать, ты не рада, что я тебя забрала с третьего урока.

– У нас должен быть письменный опрос по арифметике, – отозвалась девочка.

– Ты была не готова? – Анна чуть ожила от ее голоса. Было так радостно задать хоть один нормальный вопрос за все это безумное утро.

– Я подготовилась, но ты же знаешь, математичка меня не любит. Она решит, что я специально тебя попросила забрать меня...

– Ничего, напишешь потом.

– Потом я буду одна писать, а она будет следить, чтобы я не списывала, – грустно сказала девочка. – Это очень неудобно.

– Как, ты списываешь? – возмутилась мать. – Алиса, чтобы больше этого не было! Так ты ничего в жизни не добьешься.

– А ты, мама, списывала когда-нибудь? – Девочка сощурилась и подняла голову, глядя на мать. – Никогда-никогда?

Анна не ответила, только крепко сжала ручку дочери в своей руке. Ей было очень плохо и одновременно очень хорошо. На работу она сегодня пришла в обморочном состоянии, едва держась на ногах, и все это заметили. У нее даже не было сил, чтобы посмотреть в зеркало, увидеть свое лицо, от которого сотрудницы пришли в ужас. «Аня, что случилось? – спрашивали они почти хором. – Что-то с дочкой?» – «Нет, все в порядке, все нормально», – вяло отвечала она. «С мужем что-то?» – не отставали они. Этот вопрос ее убил. Она очень жалела, что позволила раньше всем узнать про ее новое замужество, выложила, дура, все, ничего не скрывая! Слишком долго она молча страдала, чтобы после беды не поделиться радостью. Кроме того, разве ей могло не льстить чувство превосходства перед молодой соперницей? Ведь она, Анна, победила. Отбила такого мужчину! Когда Олег внезапно начал ухаживать за ней, он несколько раз подвозил ее на работу, и его видели ее приятельницы. Все им восхищались, спрашивали, кто он такой. Сколько лет? Чем занимается? Как зовут? Женат? И она, послушная дурочка, отвечала честно на все вопросы, может быть, потому, что врать никогда не умела. Ей многие завидовали. «Такой мужчина! Красавец! Ну и что, что женат? Это уже не важно, все равно шикарный мужик... Молодец, Аня!» Теперь она понимала, что в этих похвалах была большая доля яда. Может

быть, над нею даже посмеивались за спиной – такая праведница, и вдруг завела женатого любовника моложе себя! Больше всего ее волновало то, как относилась к этой истории одна ее сотрудница – та самая, которая и свела ее с Олегом, Анна знала, что дочь этой женщины дружила с ним и что первая жена Олега была подругой ее дочери. Агнесса Михайловна воспринимала все новости очень холодно. Эта маленькая, хрупкая, очень элегантная женщина, не расстававшаяся с высоченными каблуками и затемненными очками в оправе от Кардена, вообще была очень сдержанна – растормошить ее было трудно. По сравнению с ней Анна казалась просто глупой хохотушкой. Но известие, что Олег разводится, чтобы жениться на Анне, даже ее проняло. «Олег? – спросила она, снимая очки и глядя на Анну в упор. – Кто бы мог подумать... Я его почти не знаю, но Наташа рассказывала, что он был очень влюблен в свою жену. Значит, так?.. Это странно. А вообще, все они гроша ломаного не стоят!» И по этим словам Анна поняла, что Агнесса Михайловна не на ее стороне и что она-то точно не будет восхищаться ее браком. Кроме того, ее больно уязвили слова о влюбленности Олега в жену – он-то уверял, что женился случайно, по глупости, просто попалась смазливая девчонка, даже не особенно умная и красивая... А с Анной – совсем другое, тут глубокая страсть, полное родство душ, интересов, взглядов... Но расспрашивать Олега, настаивая на правде, она себе не позволила. Она была тогда слишком счастлива, слишком ошелом-

лена полным исполнением своих тайных желаний! Еще бы – ведь она влюбилась в него с первого взгляда. Теперь она была уверена в этом – как только он повернул к ней голову, посмотрел своими круглыми ласковыми, такими равнодушными глазами, она почувствовала странный удар в самое сердце – горячий, глухой, сладкий... Такого с нею не было никогда в жизни. Был муж. Она любила его по-своему, без рыданий, без ревности, без сумасшедшей страсти, без глупых выходок. Так они прожили вместе одиннадцать лет. Был грех – она изменила мужу один раз, когда ей было двадцать пять. Вспоминала об этом со стыдом и без всякой радости. Почему это сделала – не знала, предпочитала не думать. Во всяком случае, удовольствие было очень ниже среднего, а страх и стыд – куда выше... Именно тогда, семь лет назад, после глупой измены, она и поклялась себе – никогда ничего подобного, никогда в жизни! Это не стоит таких мук. Это грязь. Эти семь лет она считала себя уравновешенной женщиной, вполне зрелой, вполне сформировавшейся, довольной своей судьбой, своей семьей... Муж ее обожал, она это знала. И про себя – конечно, только про себя – признавалась себе, что он любит ее куда больше, чем она его. Она не была холодна в настоящем смысле этого слова – она просто была спокойна. Очень увлеченно работала, очень тяжело перенесла смерть матери и почти поголовный выезд своей родни в Германию, очень любила дочь – и это были три «очень» в ее ровной, устроенной жизни. Пока не появился Олег. Как

люди влюбляются? Это всегда было для нее загадкой, ей даже казалось, что все, кто рассуждает о страстной мгновенной любви, врут. В мужа она не влюблялась, она просто привыкла к нему, ей было с ним хорошо. В того, другого, уж конечно, тоже. Но теперь она говорила себе, что именно та глупая измена в двадцать пять лет показывала, что чего-то ей недоставало в жизни, в семье, в самой себе, что она окажется способна на самые безумные поступки, если будет в них нужда. И вот – разве не безумием был тот осенний день, когда она стояла в том переулке, где он жил, на углу, как проститутка, замерзла страшно, от страха у нее дрожали ноги. Она ждала его. Хотя бы увидеть, пусть на миг. Он, наверное, не узнает ее, поздоровается в лучшем случае, когда она сделает шаг навстречу... Да и сможет ли она сделать этот шаг?! Он вышел. Анна поняла, что Олег заметил и узнал ее. Это уже было счастье. Только тогда она почувствовала, как страшно изголодалось ее сердце за все эти годы – изголодалось по нему, по его взглядам, по его любви! Он повел ее в кафе, она теперь не смогла бы показать в какое... Сидел напротив, перебирал ее пальцы в своей руке, грел их и говорил что-то – сейчас она уже не могла вспомнить что. Наверное, что-то удивительное. Она никогда не слышала ничего подобного, потому что у нее начали гореть щеки. А может быть, она просто сильно замерзла на ветру – было так холодно в тот удивительный день! Тогда она поняла, что пойдет на все, чтобы получить хоть часть его любви, хоть часть его

самого. Как она выглядит, как скрывать все это от мужа и, главное, от дочери, как не показаться дурочкой Олегу – все это ее уже не волновало. Она его любила, в первый раз любила мужчину. Через несколько дней они вместе поднялись на третий этаж дома 10/14 по Большому Трехсвятительскому переулку. В его квартиру. Лизы, разумеется, дома не было. У Анны подгибались колени, но она шла, смело улыбаясь, вслед за Олегом, как будто уже не раз поднималась с мужчинами по лестницам их домов, входила в их квартиры, видела женскую обувь в прихожей, женский купальный халат в ванной... Олег провел ее прямо в спальню, набросился, не дав слова сказать, поправить волосы, осмотреться по сторонам... Раздел ее сам, очень быстро и умело – она наверняка запуталась бы, руки у нее дрожали, – уложил на постель, занялся ею, как занимаются работой – привычной, монотонной... Глаза она закрыла, испугалась, потом открыла их, увидела его близкое лицо, обожаемое лицо, виновато улыбнулась ему... «Чего я тогда испугалась? – вспоминала она, бредя с дочкой вверх по крутому переулку домой. – Да, было так страшно только чувствовать его, не видя лица... Я потому снова открыла глаза, хотя не могла смотреть на эту спальню. Почему у него не хватило деликатности отвести меня не на эту постель? Хотя... Куда же ему еще было меня вести? Я все слишком усложняю. О морали надо было думать раньше, когда я туда шла. Почему же я испугалась?»

Они с Алисой уже подошли к своему дому – девочка на

два шага обогнала ее, шла легко, побрякивая безделушками, прицепленными к карману рюкзака. Анна набрала код на двери подъезда, открыла тяжелую железную створку, пропустила Алису вперед и тут вспомнила. Когда она закрывала глаза, он был совершенно такой же, как ее любовник – тот самый, в двадцать пять лет.

– Мама, ты идешь или нет?

Голос дочери вывел ее из оцепенения, Анна шагнула следом в подъезд. Они поднялись в лифте, она отперла квартиру, предварительно осмотревшись по сторонам. Никого в подъезде не было. Анна заперла дверь, девочка исчезла в своей комнате. Телефон молчал. Анна подняла трубку, послушала гудки – работает. Ей почему-то казалось, что Олег позвонит еще раз. Она прошла на кухню, присела за стол. Только тут поняла, как страшно, смертельно устала. Вчера весь день металась, ночью не спала, с утра... Она болезненно поморщилась. Надо было совсем потерять надежду, чтобы пойти к этой девушке. Она опозорилась. Наверное, та сейчас смеется над ней. Муж пропал. Очень смешно. Первая жена может смеяться сколько угодно. Они поговорили вполне вежливо, но что таилось за этой вежливостью – Анна хорошо знает. Девушка красивая, очень красивая. Она просила, чтобы Анна позвонила ей, если Олег объявится. Олег сейчас придет, звонить будет сложно. Если звонить, то сейчас. Анна боролась с собой. Она не хотела больше слышать голос той девушки, не могла его слышать. Да, Олег где-то пропал

этой ночью, но это дело только двоих – мужа и жены. А она подняла такую панику, обзвонила всех его знакомых, пошла к его первой жене... Он где-то пропадал, но сейчас вернется. Сказал: «Не думай дурного!» Она не думает. Он ее любит. Она знает, иначе он не развелся бы с девчонкой. Одно воспоминание по-прежнему мучило ее. Да, тогда в первый раз, в спальне, она испугалась, когда закрыла глаза. Что она почувствовала? Механику. Механический секс, гимнастика, технологический процесс... Его страстный взгляд, когда он ее раздевал, его горячие руки... И вдруг – такой холод. Нет, он сделал все, что полагалось делать мужчине в такой ситуации, выполнил задание. Она даже застонала, вспомнив это. Да, ей было очень больно. Но только когда она закрывала глаза. Стоило их открыть – она видела его, сходила с ума от счастья, все было так замечательно. И потом она никогда не закрывала глаз. Он гасил свет, когда они ложились в постель, и смотреть в общем-то было не на что. Но она все же не закрывала глаз.

На кухню пришла Алиса, попросила есть. Анна встала, достала из холодильника кастрюльку с тушеным мясом, стала механически чистить картошку. Алиса не уходила, отиралась рядом. Анне стало больно за дочь. Она совсем перестала уделять ей внимание. Раньше было не так. Раньше был еще Павел. Он возился с девочкой целыми днями, когда не был занят на работе. Дочь и отец были даже ближе, чем дочь и мать. Девочка была веселой, хотя немного застенчивой, все-

гда плохо сходилась с чужими. Вот и с переменной школы возникло столько проблем! Совсем рядом с домом была очень хорошая школа с углубленным изучением английского, но туда Алису не удалось устроить. Устроили ее в школу обычную, подальше от дома. Олег сам вызвался каждый день возить ее туда и обратно. Анна так надеялась, что эти ежедневные поездки сблизят их! Но Алиса по-прежнему держала себя как чужая в доме – сразу уходила в свою комнату, не разговаривала с Олегом, разве что отвечала на его вопросы, чтобы не быть грубой. И от матери совсем отдалилась. В присутствии Олега слова из нее не вытянешь. Нет, Алиса не упрекает мать, ничего ей не говорит, не говорит даже, скучает по отцу или нет... Она просто молчит, сидит у себя в комнате, а у Анны болит за нее сердце. Вот и сейчас, когда Алиса стояла рядом, Анна ощутила такое острое чувство вины, что против своей воли спросила:

– Тебе что, совсем тут плохо?

Удивленный взгляд серых глаз, какой-то дымчатый взгляд с затуманенным выражением. Не поймешь, что в этих глазах. Ответ: «Нет».

– Тогда почему ты как в воду опущенная? – спросила Анна, снова принимаясь за картошку. Девочка вдруг ответила, глядя в пол:

– А ты тоже, мама.

– Не обращай на меня внимания, у меня неприятности на работе, – соврала Анна.

– Нет. – Девочка говорила очень уверенно, хотя боязливо. – Наверное, ты из-за него переживаешь?

– Глупости, – сухо ответила Анна. – Он скоро придет.

– Откуда ты знаешь?

– Он мне позвонил на работу.

– И поэтому мы теперь дома? – Снова этот странный, дымчатый взгляд. – Он что, потребовал, чтобы мы приехали?

– Алиса, не говори глупостей, – не выдержала Анна. – Иди к себе в комнату, я сейчас приготовлю обед.

– Мне уже не хочется, – ответила девочка, повернулась и быстро вышла из кухни. Анна в сердцах бросила картошку в раковину, вытерла руки. Конечно, глупо было думать, что девочка ничего не поймет. Она не любит Олега. Может быть, даже ненавидит его, человека, который отнял у нее отца. Как проникнуть в чувства ребенка? Особенно такого ребенка, которому некому довериться? Который молчит. «Она меня считает предательницей, – поняла Анна. – И она права по-своему. Только как тяжело ей объяснить, почему я сделала такое... Ужасно, что мы так отдаляемся. Ужасно».

Она и раньше много раз задавала себе вопрос – стоит ли ее любовь таких жертв? Предать сразу двух людей, переменить, поломать всю жизнь – ради чего? Но ответ был очень прост – она не могла жить без Олега.

Посмотрела на часы. Как жаль, что забыла спросить его, откуда он звонит! Он должен скоро приехать. Наверное, захочет есть. Она и бросилась-то домой затем, чтобы приго-

товить ему обед. Он еще что-то говорил насчет того, чтобы она не выходила из квартиры, никого не пускала... Она не приняла его слова всерьез – он говорил так грубо, наверняка что-то преувеличивал. Тогда не приняла, а теперь ей вдруг снова стало страшно. Его все не было, хотя он уже должен был звонить в дверь, входить в квартиру, все ей объяснить... Он ведь обещал все объяснить! Как она обрадовалась, когда услышала его голос! Едва не упала с трубкой в руке, оперлась на стол, почему-то попыталась сразу выяснить, что случилось... Не надо было набрасываться на него, тем более по телефону. Ее слышали коллеги. Теперь они получают материал для сплетен. Пускай, только бы он скорее вернулся!

Зазвонил телефон. Анна бросилась к нему, схватила трубку. Услышала неуверенный женский голос: «Алло?»

– Кто это? – испуганно спросила Анна. Ей пришло в голову, что звонят с работы, хотя она отпросилась, все знали, что ей стало плохо и она поехала домой.

– Простите, это Анна?

– Да... – Она вдруг узнала голос, хотя телефон его немного искажал.

– Это вы, Лиза? Что случилось?

– Я... Нет, ничего, просто я хотела узнать, не вы ли мне звоните?

– Я вам не звонила.

– Да? Странно... Все утро после вашего ухода звонит телефон, как только я беру трубку, все срывается. Молчание

и гудки. Вы ведь обещали мне позвонить, если что-то узнаете... О нем. Ну, я и подумала, что вы не можете мне дозво- ниться.

– Нет, это не я вам звоню, – сухо вато ответила Анна. – Кстати, все в порядке. Можете больше не беспокоиться.

– Он нашелся? – Голос у Лизы сорвался, она не совладала с собой. – Правда? Он... дома?

– Пока нет, но сейчас будет. Спасибо вам за утренний раз- говор.

Это прозвучало как намек на прекращение всяких отно- шений. Яснее выразиться Анна не могла – не говорить же девушке «Не смей сюда звонить!» после того, как она сама пришла к ней этим утром! Анна обязательно так бы и ска- зала, если бы не отрезала себе этот путь. Сейчас она была вынуждена говорить вежливо.

Лиза, судя по всему, прекрасно поняла ее тон. Ответила коротко:

– Спасибо, всего хорошего. – И повесила трубку.

«Бедная девочка, – подумала Анна, на миг смягчив- шись. – У нее все же не хватило терпения, позвонила сю- да. Совсем ребенок! Надеюсь, больше она звонить не будет. Олег сейчас будет здесь! Ну где же он?!»

По времени что-то не сходилось. Даже если предполо- жить, что он звонил из Подмосковья, тогда все равно уже должен был быть здесь! Анна нервничала, высчитывала вре- мя его приезда, даже в карту области заглянула. Ничем ей

карта не помогла – Олега не было. Она сидела в столовой, чтобы быть поближе к двери, когда он позвонит. А собственно, почему позвонит? Наверное, сам откроет дверь. Она ведь вовсе не обещала ему, что уедет с работы и будет ждать его здесь. Он удивится, когда увидит ее... Он уже много раз удивлялся, когда ей приходилось доказывать свою любовь. Почему он удивлялся? Разве он не понимал, что она на самом деле его любит? Что там было сегодня, что ей вспомнилось?... Ах да. Конечно. Его лицо, когда она открыла глаза. Тогда, в постели с ним, в первый раз. Любимое лицо, необходимое, как вода и воздух, такое необходимое. Равнодушное любимое лицо. «Я думаю об этом, потому что его до сих пор нет, – сказала себе Анна. – Сейчас он придет. Я занимаюсь глупостями. Я просто очень устала».

Зазвонил телефон, она в первый миг перепутала – подумала, звонят в дверь. Уже подходя к телефону, почувствовала разочарование – наверняка звонит он, чтобы сказать, что задержался где-то... Конечно, иначе нельзя объяснить, почему он до сих пор не приехал. Анна взяла трубку. Соединение произошло, но в трубке молчали. Она могла поклясться, что слышит там чье-то дыхание.

– Это ты? – тихо спросила она. Тихо – чтобы не услышала Алиса. Ответа не последовало. Анна повторила вопрос погромче, а потом, вдруг испугавшись, почти прокричала: – Кто говорит?

Вопрос был бессмысленный, потому что тот, кто ей зво-

нил, как раз молчал. Но спрашивать «Кто молчит?» было как-то глупо. Анна положила трубку.

Звонок повторился через полчаса – минута в минуту. Она отметила это, потому что все время смотрела на часы. Теперь она сидела в кабинете Олега, сама не зная почему. Ей было страшно, и время ползло так медленно! Когда телефон зазвонил снова, она уже знала, что ничего не услышит. Почему знала? Тот, в трубке, молчал упорно, явно не собираясь вступать в разговор. «Это Олег, – попробовала она успокоиться. – Он просто не может дозвониться, что тут такого? Он меня слышит, а я его нет. Откуда он звонит?» Но это были пустые слова утешения, которые она не стала бы слушать ни от кого, кроме самой себя.

Алиса вышла из своей комнаты, угрюмо постояла в коридоре, следя за матерью. Анна поймала ее взгляд, ей подумалось, как страшно она должна выглядеть после этих тревог и бессонной ночи, да еще эти звонки...

– Ну что тебе? – спросила она дочь. Губы у нее дрожали. Она почему-то пригладила волосы.

– Мам, а что происходит? – спросила та очень серьезно, как-то по-взрослому.

– Ничего. Иди к себе.

– Можно я пойду погулять? – спросила вдруг Алиса. Анна даже не сразу поняла, что было такого необычного в ее вопросе, догадалась мгновение спустя. Они жили здесь недолго, всего пару месяцев, но никогда, никогда Алиса не изъяв-

ляла желания погулять. У нее тут просто не было подруг, все они остались в Митино, там, где вся семья жила раньше.

– Погулять? – растерялась Анна. – Ну что ж... Иди.

Алиса мигом собралась – накинула курточку, что-то сунула в карман. Анна следила за этими приготовлениями, у нее в тот миг было только одно желание – остаться одной, чтобы зарыдать в голос. Олег! Она с ума сойдет! Что ей говорила эта девчонка, Лиза? Он и раньше пропадал где-то ночью? Обманывал ее? Почему он не едет? Пока он не приедет, она не сможет ничего делать... Ей вспомнился его голос по телефону. Такой тревожный, раздраженный, он явно попал в беду и что-то скрывал. Она спросила его, грозит ли ему опасность. Что он ответил? Что?

Анна вдруг опомнилась и поймала за рукав курточки дочь, идущую к двери:

– Нет, постой! Не ходи пока...

– Почему?

– Не надо, посиди дома, – настойчиво повторила Анна. Как она могла забыть! Ведь с самого начала она выполняла его указания – ехать домой, никуда не выходить... Бессознательно, но выполняла, для того и дочь забрала из школы, чтобы она была рядом в случае чего. Тогда она не восприняла всерьез слова Олега. Теперь... Теперь она боялась.

– Мама, мне нужно выйти! – настаивала дочь.

– Что за выдумки, ты всегда в это время сидела дома! – рассердилась Анна. – Не капризничай. Иди к себе, готовь

уроки на завтра.

– Я вечером...

– Иди, иди.

Алиса злобно повела плечом, сжала губы в одну линию (отцовская черта) и вернулась к себе в комнату.

Дверь она закрыла плотно, не оставив ни единой щелки. Анна подошла к телефону, проверила его. Работает. Она следила за минутной стрелкой часов, отмеряла уже известный интервал. «Во второй раз он позвонил ровно через полчаса, – говорила она себе. – Если он снова не позвонит... Господи, пусть позвонит хоть кто-нибудь! Олег давно должен быть дома!»

Телефон зазвонил. Она себе не верила – ровно полчаса спустя! Медленно-медленно, словно во сне, она подняла трубку.

– Алло, – сказала она. – Почему вы молчите? Алло. Алло...

Лизе это надоело. «Аппарат сломался, что ли? Старая развалина! – Она стояла с поднятой трубкой в руке и ругалась на неведомого хулигана. – Я ему покажу, пусть только позвонит еще! Жаль, что тут нет определителя, а то бы я давно сама ему перезвонила и сделала втык!»

Чтобы проверить исправность телефона, она позвонила брату на работу. Трубку взял он сам и очень удивился, услышав ее голос.

– Что случилось? – сразу спросил он. – Деньги кончились?

– Денег мне больше не надо, – ответила она. – Скажи лучше, ты меня нормально слышишь?

– Нормально. А что? Голос у тебя, правда, не того... Заболела?

– Здорова я, здорова! – вздохнула Лиза. – Знаешь что? Давай позвони мне сейчас, а то тут звонки не проходят. Жду.

Так они и сделали, и Лиза убедилась, что брата слышит нормально, лучше некуда.

– Ладно, спасибо... – удивилась она. – Тогда я не понимаю юмора...

– А что такое? – Брат всерьез заинтересовался. – У тебя же там что-то случилось, по голосу понятно. Что ты натворила?

– Почему именно я натворила? – обиделась Лиза. – Это все вокруг что-то творят, а мне страдать!

– Страдалица моя, – иронически посочувствовал он. – Что так долго не звонила? Некогда?

– Некогда, – огрызнулась она.

– Работу, что ли, нашла?

– А если да?

– Значит, нет... – понял он. Они часто ссорились, но больше для виду, а в общем понимали друг друга почти с полуслова. Лиза чувствовала облегчение, что могла поговорить с кем-то именно так. И в то же время понимала, что по-настоящему не поговоришь, что всего рассказать нельзя. Никому на свете.

– Я мог бы поговорить о тебе в конторе, – предложил он. – Ты все-таки уже тут работала...

– И что? Меня до сих пор забыть не могут?

– А, это ты про вирус... Нет, уже забыли. Просто будь осторожнее с посторонними дискетами, и все, – ответил брат. Речь шла о давнем происшествии, еще той поры, когда Лиза пыталась как-то определиться в жизни и временно работала вместе с братом. Тогда она разом стерла всю информацию на своем компьютере, заразив его каким-то вирусом. Что это за вирус, Лиза так и не поняла... Она была уверена, что просто чихнула... Такая уж она невезучая!

– Нет, такой работы я не хочу, – ответила она. – Уж ты меня прости...

– Ладно, запомним. – Андрей на миг призадумался, крикнул в сторону: – Сейчас иду! – и торопливо сказал Лизе: – Слушай, а тебе точно не надо денег?

– Нет, говорю.

– Ладно, не обижайся. А откуда у тебя деньги, если не секрет?

– Секрет. – Лиза запретила себе даже намеком дать ему понять, что что-то случилось. Она слишком хорошо знала Андрея – для него она все еще была сопливой девочкой, которую надо учить элементарным вещам и беречь от нежелательных знакомств.

– Значит, не скажешь? – заволновался Андрей, снова крикнул в сторону: – Иду! – и настойчиво повторил: – Лиза,

тебе надо найти работу! Эти твои деньги... Ладно, все равно будешь молчать. Только не делай глупостей, поняла? Что молчишь?

– Тебя слушаю.

– Ты, надеюсь, не сошлась опять с ним? – неожиданно спросил Андрей и, не дождавшись ответа, попрощался: – Все, больше не могу говорить, пока! Позвоню вечером, ты мне кое-что расскажешь.

И повесил трубку. Лиза выругалась, прошлась по кухне, закурила сигарету, постояла у окна. Все у нее валилось из рук. «Значит, Олег возвращается, – говорила она себе. – Где он провел ночь? А, какая разница. Мало ли у него было таких мест! Он мог свободно спрятаться не только от нее, но даже от милиции. Идиот, какой идиот! Ну почему он это сделал?! Нужно иметь веские причины. Я не понимаю, просто не понимаю. Может, я что-то напутала. Да нет, куда уж яснее, он убил, больше некому. Анна слышала стук, Витя из квартиры не уходил на ее глазах, и я сама видела труп в его шкафу. С ума сойти! Значит, он убил. Спрятал труп, наверное, раз уже возвращается. Ему понадобились для этого полные сутки. Многовато! Никакого алиби у него нет. И есть свидетель. Да ничего у него нет, потому что я буду молчать, а чтобы заставить его составить себе алиби, нужно по крайней мере доказать, что Витя убит. А труп спрятан. Никто не сможет его привлечь к ответственности, у него даже есть двое свидетелей – Анна и девочка, – что мужчина тот ушел. Мало ли что

они ничего не видели, зато слышали – Олег разыграл для них комедию! Да, это в его духе! А вот спрятать что-то он никогда не умел. По крайней мере, я всегда находила его заначки. Он ведь считает, что никого нет умнее, чем он сам, и потому прячет кое-как, для дураков. Если бы я хоть приблизительно знала, куда он поехал с мешком, я бы его нашла! Нет, тьфу, какая гадость! Ничего я не буду искать! И вообще, меня это не касается! Забуду как страшный сон. Я сделала, что хотела, – грабанула квартиру, теперь могу отдыхать и ругать себя сколько влезет. Но искать что-то – ищите дураков!»

Телефон зазвонил снова. Лиза в ярости подняла трубку и рявкнула:

– Ты, придурок, если не перестанешь звонить, я определю твой номер, и тогда... – Что будет «тогда», она не знала, и, видимо, тот, кто звонил, об этом догадался. Не положил трубку, просто слушал ее голос и молчал. Она выругалась и дала отбой.

Ей надо было сделать одно дело, детали она продумала еще вчера, хотя ей тогда было совсем не до этого. Денег, которые она нашла в квартире Олега, было совсем немного – в общей сложности на миллион. Конечно, для Лизы в ее теперешнем положении и это была большая сумма, но она-то, когда отправлялась на грабеж, рассчитывала на большее! Вспомнились кредиторы, и она удивилась: «Как я могла про них забыть! Дура я набитая, – вздохнула она, – наверное, он до сих пор с ними не расплатился, вот и денег в доме почти

не было. Нашла кого грабить! Нет, если не дал Бог ума... Надо было сразу об этом подумать». Она снова достала деньги, пересчитала их, засунула в сумочку. Почувствовала мгновенный укол совести – ведь деньги как-никак теперь принадлежали всей семье, а в семье появился ребенок... Значит, она и ребенка тоже ограбила. Но как вернуть эти деньги? Кому их вернуть? Это невозможно. Придется объясниться, выкладывать все как есть... Если раньше это означало бы просто позор, если раньше ее просто обозвали бы воровкой, то теперь, когда она стала единственным свидетелем против Олега, это значило бы для нее большую опасность. А что Олег станет опасен, если узнает, она не сомневалась. Конечно, она не Витя, она ему не совсем чужая... «Ну и что? – горько усмехнулась она. – Значит, он просто будет рыдать, когда даст мне по голове, только и всего. Но убьет, постарается убить, даже разговаривать не станет. Он ведь трус! И он не верит людям, совсем не верит». Она впервые в мыслях назвала Олега трусом, но ничуть этому не удивилась – ей теперь показалось, что она всегда это знала. «Нет, ничего возвращать я не буду! – окончательно решила она. – И сумма какая-то смешная – тоже мне, миллион! Для них это семечки. С голоду не умрут, не то что я. А вот часы...» С часами было сложнее всего. Во-первых, она хорошо сознавала, что они стоят куда больше, чем миллион, что именно эта кража значительна. Во-вторых, украсть вещь – это совсем не то, что потихоньку вынуть из пиджака деньги. Вещь – это что-то та-

кое конкретное, из-за чего ее и могут назвать воровкой. В-третьих, часы – это улика против нее. Они такие оригинальные, так хорошо запоминаются, что хранить их у себя нельзя. И было еще одно обстоятельство, которое смущало Лизу, из-за которого она больше всего хотела от них избавиться. Часы были женские, значит, Олег купил их для кого-то. Но подарить не успел – они были еще в упаковке, да и лежали в его тумбочке, а не в ее. «Вот еще доказательство, что прятать он ничего не умеет! – подумала Лиза. – Тоже мне, приятный сюрприз! Да любая женщина, которая убирается в квартире, то есть жена, Анна, может заглянуть в его тумбочку. А есть еще такие, которые просто любят обыскивать вещи своих мужей. И сюрприз пропал... А может, он хотел подарить ей часы, а она была на него сердита и не захотела взять? И он положил в тумбочку. В таком случае дарил он их прямо в постели. На здоровье!» Она на миг призадумалась – отказалась бы она на месте Анны от такого подарка? Припомнила все подарки Олега, большие и маленькие, свое поведение, когда он их дарил, вздохнула... Нет, она бы взяла часы. Часики просто сказочные, но с ними-то придется расстаться. И быстро!

Лиза сунула часы в сумку и стала одеваться. Ей надо было выглядеть солидно, чтобы не привлечь внимания там, куда она собиралась. Она выгладила и надела зеленоватый брючный костюм, под пиджак поддела легкий джемпер персикового цвета, подобрала светлые туфли к маленькой светлой

сумочке, сделала макияж, причесалась... Пожалела, что у нее нет золотого колечка, чтобы надеть на палец. Олег щедро выкладывал деньги на ее наряды, но почему-то никогда не подарил ей ни грамма золота, ни одного ценного предмета. А между тем Лиза всегда считала его щедрым, и эта странность никогда не бросалась ей в глаза. «Что ж... – подумала она. – А есть такие мужья, которые, напротив, любят дарить массивные золотые перстни, чтобы вложить в них деньги, а из-за новой блузочки устраивают скандалы. Что лучше?» Пришла к выводу, что все они сволочи, а подарки лучше всего делать себе самой. Заперла дверь, спустилась в лифте, вышла на улицу.

Она решила поехать в центр, на Сухаревскую площадь. Там, как ей помнилось, было несколько ювелирных магазинов, и в каждом – комиссионный отдел. Лиза взяла паспорт, хотя засветиться с такими часиками очень боялась. Но чем черт не шутит? Олег, после того что он натворил, явно не будет обращаться в милицию из-за пропажи часов, а произведет маленькое самостоятельное расследование. И что он сумеет выяснить в пределах своей квартиры? Да ничего! И никогда он не выйдет на магазин, куда Лиза сдаст часы. Никакой опасности не было, но она почему-то не переставала бояться. Чего? Кого? Этого Лиза не могла себе объяснить.

Она вышла на станции «Сухаревская», поднялась по эскалатору, пошла вниз по улице... Миновала киоски, лотки с цветами, продуктовый магазин, булочную, обмен валюты...

Цель приближалась, и на душе у нее становилось все неспокойней. Вот он – магазин. В витрине – бархатные дамские руки, унизированные кольцами, черные торсы – плечи, шея, нижняя часть лица – на бархате блестит фальшивое золото, сверкают камни. Куски женских тел. Лиза часто видела подобное оформление в витринах ювелирных магазинов, но впервые оно ее напугало. Впрочем, сейчас ее бы напугало что угодно. Она вошла, огляделась... Маленький закуток – прием на комиссию – был закрыт. Она поколебалась, подошла к скупающей молоденькой продавщице за прилавком, где лежали колечки, и вытащила часы. Та едва взглянула, изобразила на холеном сонном лице отвращение, покачала головой.

– Не принимаете на комиссию? – упавшим голосом спросила Лиза.

– Нет, – коротко ответила та и стала смотреть в сторону.

Надо было уходить, но Лиза почему-то не могла сдвинуться с места. Часы она все еще держала в руке, слегка повернула коробочку, бриллиантики поплыли по циферблату, заиграли. Продавщица немного проснулась, внимательно рассмотрела часы, но снова покачала головой:

– Нет, такое не возьмем.

– А почему? – Лиза убрала часы в сумку.

– Это же часы... – протянула та снисходительно. – Такое не принимаем.

– Но они же золотые! И с бриллиантами! – настаивала Лиза.

– Ну и что? – Продавщица повела плечом. – Все равно не принимаем. Попробуйте в другом месте.

Лиза развернулась и вышла из магазина, едва не сбив с ног какого-то парня в кожаной куртке. Парень так и остался стоять столбом, а Лиза быстро пошла вниз по улице. На душе было горько, но она приказала себе не отчаиваться. В конце концов, этот магазин – не единственный.

В следующем магазине ей повезло больше. За прилавком, куда она обратилась, стояла симпатичная женщина лет тридцати, приветливо улыбалась, с готовностью взяла в руки коробочку с часами. «Слава богу!» – подумала было Лиза, но женщина, рассмотрев часы, с сожалением покачала головой:

– Знаете, мы не можем их принять на комиссию... Золотые изделия мы бы еще взяли, хотя это тоже сложно. Смотрите, сколько товара!

Лиза осмотрела витрину. Действительно, там были целые россыпи золота, на любой вкус, от простых обручальных колечек до сногшибательных перстней с изумрудами и сапфирами.

– Вы вообще часы не берете или вас мои не устраивают? – спросила Лиза, принимая коробочку обратно.

– Я боюсь, вы вообще не сдадите часы на комиссию... – задумчиво проговорила продавщица. – Это все-таки механизм, золото и камни мы бы оценили, назначили цену, а кто даст гарантию, что ваши часы – исправные?

– Не знаю... – растерялась Лиза. – Но ведь они совсем

новые, их даже не вынимали!

— Нет, девушка, это сложно... Но я могу дать вам один совет. — Продавщица прикрыла глаза, порылась в памяти и наконец сказала: — Обратитесь в ломбард! Вы немного потеряете в цене, но часы все же останутся при вас, вы сможете их выкупить. Они за изделия с бриллиантами дают до ста восьмидесяти процентов их оценки. Правда, и оценят их невысоко... А вы потом заплатите проценты и выкупите часики. Они такие хорошенькие!

— Боже мой, но мне совсем не нужно их выкупать... — вздохнула Лиза. — Ну да ладно, а где ломбард?

— Пройдите дальше по улице, там где-то в переулке... — задумалась продавщица. — Да вы увидите! Вывеска большая, желтая, с черными буквами.

Из этого магазина Лиза вышла медленно, глубоко уйдя в свои невеселые мысли. Ломбард как-то мало ее привлекал. Ей хотелось совсем избавиться от проклятых часов, а там их не купят, только возьмут в залог... И что ей дальше с ними делать? Выкупать потом, снова закладывать? «Господи, да на какие шиши я их буду выкупать?! — выругалась про себя Лиза. — У меня нет лишних денег! Вот невезение. И дадут мне за них мало, и проценты какие-то... И от часов не избавлюсь. Да еще, наверное, дадут какую-нибудь квитанцию на мое имя, вот тебе и засветилась! Правда, и в комиссионке тоже была бы квитанция, но там эти часы хоть кто-то купил бы, они бы исчезли, а тут...» Веселого было мало, да еще

само слово «ломбард» как-то пугало ее, вызывало школьные воспоминания той поры, когда они на английском переводили из Диккенса. Это у Диккенса были ломбарды, и там сидели какие-то уголовные личности в помятых цилиндрах и вовсю скупали краденое и наживались на чужом горе. «Ну, надо решать! – вздохнула она. – Идти или нет? Вот он, ломбард, пришли...»

Действительно, прямо перед ней на тротуаре возник желтый щит с черными буквами, как и рассказывала продавщица. Лиза поколебалась и свернула в переулок. Ломбард помещался в первом же доме от угла, в старинном крохотном особнячке. У дверей особнячка Лиза остановилась, чтобы набраться храбрости и придумать, что говорить. «Ну, скажу, что подарили... – размышляла она, вытаскивая из сумки сигареты. – Велика важность! Пошли они все, придурки! Такие часы, а никто не желает их купить! Если бы у меня были деньги, я бы обязательно себе такие купила. Изображают из себя...»

Лиза стояла, курила и от нечего делать смотрела по сторонам. То, что она видела, ей не нравилось. Переулок был маленький и заброшенный, многие дома явно шли под снос, окна в них были забиты досками. Совсем рядом была оживленная улица, а тут – тишина и пустота, как на кладбище. И ни одного человека. Впрочем, нет. Один человек появился. В переулок вошел, почти вбежал какой-то парень. «Симпатичный, – подумала Лиза, – какой нежненький!» Парень

был высокий, худой и в общем-то совершенно обыкновенный: длинные темные волосы, кожаная куртка. Вот только цвет лица – нежный, как у девушки, и красивые черные глаза. Красивое лицо, немного капризное, как у избалованного ребенка. Парень замедлил шаг, теперь он просто шел – прямо к ломбарду. Лиза посторонилась, парень открыл тяжелую дверь, вошел и скрылся. Надо было на что-то решиться, и Лиза решилась – тоже открыла дверь и вошла.

Сперва она долго расспрашивала приемщика о правилах. Было одно, которое ее порадовало, – через месяц можно было продлить срок залога, если она не сумеет выкупить вещь. Она посчитала, что ей снова заплатят деньги за часы, но приемщик ее тут же разочаровал – оказалось, что ничего подобного, это она, Лиза, должна будет заплатить какие-то проценты...

– Странно как-то... – удивилась она. – Разве вы мне больше ничего не должны? Ведь я оставляю вам вещь еще на месяц.

– Но ведь вы хотите выкупить вашу вещь? – ответили ей. – Вот мы и идем вам навстречу, продлеваем срок, чтобы она не пропала.

Лиза как раз хотела бы, чтобы вещь пропала, и навсегда, поэтому ничего не смогла возразить. Подумала-подумала и решила – она сдаст часы, получит хоть что-нибудь, а там видно будет.

– А что случается с невыкупленными залогами? – спро-

сила она, подвигая к приемщику часы.

– Мы их продаем, если владелец не может выкупить, – меланхолично ответил тот. – Но у нас небольшой процент по ссуде, всего до восемнадцати процентов за изделия с бриллиантами. Так что вы не рискуете.

– А мне будет что-нибудь полагаться, если вы продадите вещь?

– Девушка, вам больше ничего не полагается после того, как вы получили деньги, – объяснил он. – Часики на оценку.

– Куда? – не поняла она.

– На оценку часики, вот вам квитанция.

– А деньги?

– Деньги после оценки... – лениво протянул он. – Завтра после обеда приходите.

Лизу такой поворот событий совсем не устраивал. Она на миг задумалась, потом спросила:

– А сколько мне дадут?

– В зависимости от процента, – туманно пояснил тот. Лиза стала расспрашивать и в конце концов выяснила, что, если она попросит за часы сто восемьдесят процентов их реальной стоимости, тогда потом заплатит восемнадцать процентов от залога, если попросит сто сорок – тогда четырнадцать процентов... У нее голова пошла кругом, она вздохнула и сказала:

– Ну, ладно. А вот за сами часы мне сколько дадут? Ну, какова будет их стоимость?

– Девушка, вы что, боитесь? – рассердился приемщик. – Здесь не частная лавочка, это государственный ломбард, вас не обманут.

– И все же? – настаивала Лиза. Приемщик вздохнул, бросил взгляд на часы и нехотя сказал:

– Ну, тысяч девятьсот, я думаю.

У Лизы перехватило дыхание. Когда к ней вернулась способность говорить, она схватила часы, швырнула квитанцию и возмущенно, на высоких нотах прокричала:

– Да вы что?! Это же Швейцария настоящая, да еще золото, да еще бриллианты! Какие девятьсот тысяч?! Вы за эти деньги их без золота и камней не купите!

– Девушка, если вам не нравится, можете идти, – бросил тот и отвернулся. Лиза выскочила из ломбарда как ошпаренная, кипя от гнева. На улице она немного поостыла – идти-то было некуда... Снова попробовать предложить часы в магазины? Какой смысл... Какой-нибудь другой ломбард? Ну уж нет! «Прямо хоть бросай их в Москву-реку... – Лиза чуть не плакала. – Что мне с ними делать? И крутых знакомых, которые могли бы купить, у меня уже не осталось. Как только с Олегом начались эти дела, как только явились кредиторы, друзей как вымело! А у меня друзей и не было больше, не было с тех пор, как мы поженились». Ей вспомнилась Наташа. Наташа купила бы такую штучку, если бы у нее нашлись лишние деньги. Но звонить ей? Рискованно... Во-первых, они давным-давно поругались, во-вторых, это она

подсунула Олегу новую женушку, Лиза знала эту историю. И кроме того, где гарантия, что Наташа не общается с Олегом? Ведь она может выдать Лизу, если Олег увидит на ее руке такие часики... Нет, никому она звонить не будет. Лиза закурила. Она все еще стояла возле ломбарда, соображая, куда податься. Вытащила часы, снова посмотрела на них. Хотела уже спрятать обратно, как вдруг за ее спиной раздался мужской голос:

– А посмотреть можно?

Лиза так и подскочила, зажала коробочку в руке, обернулась... Прямо за своей спиной она обнаружила того самого парня, который вошел в ломбард прямо перед ней. Парень стоял, склонив голову на плечо и рассматривая Лизу. В общем, в нем самом ничего пугающего не было, да и спросил он ее совсем не нагло, не угрожающе, а даже весело... Но у Лизы все еще сильно колотилось сердце. Сигарету она уронила, когда парень ее окликнул, и теперь полезла в сумку за новой, чтобы прийти в себя. Парень опередил ее, протянул свои сигареты.

– Не надо, – мотнула она головой.

– Я вас напугал, да? – спросил парень, улыбаясь и продолжая держать пачку перед Лизой. – Вы из-за меня уронили, возьмите!

Она пожала плечами, вытащила сигарету из пачки, парень поднес ей зажигалку. Лиза выдохнула дым и стала смотреть в сторону.

– Вам за них давали очень мало. – Парень говорил с ней так просто и доверительно, словно они были сто лет знакомы. – Правильно сделали, что ушли. Вы мне не покажете часы? – И, поймав ее недоверчивый взгляд, улыбнулся еще неотразимей: – Я не вор, честное слово! Можете даже держать их в руке! Я только хочу посмотреть, они очень красивые!

Зубы у него оказались белые как сахар, хоть в рекламе снимайся. Лиза всегда питала слабость к людям, которые умели красиво улыбаться, сразу чувствовала к ним доверие. Почти против своей воли она протянула парню часы:

– Ну посмотрите. Вы в этом что-то понимаете?

– Ничего, – честно ответил парень, так и впившись в коробочку взглядом. – Но эти просто шикарные!

– Вот и мне так казалось... – вздохнула Лиза, спрятав часы в сумочку. – А продать никому не могу.

– А зачем продаете?

– Мани-мани нужны! – Лиза сделала жест двумя пальцами, как будто что-то растерла между ними. – Непонятно разве?

Парень как будто смутился, и она почувствовала, что уже отходит после своего приключения в ломбарде. И что она раскричалась на этого мальчишку? Он и в самом деле смотрелся мальчишкой, сколько она ни вглядывалась, не могла рассмотреть следов бритья на его нежнейших щеках. Ей вдруг захотелось спросить, сколько ему лет. Разумеется, это-

го она не сделала – он бы обиделся, но все-таки заговорила помягче.

– А ты зачем пришел к этим волкам? – кивнула на дверь ломбарда.

– Хотел условия узнать, – признался парень.

– Тоже на мели?

Он неопределенно кивнул головой.

– Понимаю тебя... – вздохнула Лиза. – Ну ладно. Счастливо.

Она пошла прочь, вышла на улицу, повернула к метро. Часы к этому моменту уже опротивели ей, она была готова избавиться от них на любых условиях, даже в ломбарде... Но возвращаться не хотелось. «Нужно просто найти покупательницу, – решила она. – Я достаточно уже засветилась, магазины, ломбарды, все это не для меня. Может быть, я просто все усложняю, и надо позвонить Наташке». Но на это надо было еще решиться. Эту особу она ненавидела и прекрасно это понимала.

Уже подходя к метро, она почему-то оглянулась. Что ее встревожило, она и сама не знала. Мелькнуло что-то, почувдилось. Она сказала себе, что сходит с ума, и толкнула стеклянную дверь.

Глава 5

Наташе она позвонила через полчаса, когда приехала на ту станцию метро, где жила бывшая подруга. Лиза долго не решалась набрать ее номер. Чтобы собраться с мыслями, она купила хот-дог в уличном киоске и сжевала, походила перед таксофоном с жетончиком в руке, отрепетировала про себя все, что скажет... Но когда набрала наконец номер и услышала Наташин голос, сказала просто:

– Привет! Узнала? Это я, Лиза...

Наташа ошеломленно помолчала, потом нерешительно спросила:

– Ты где?

– У твоего дома, – ответила Лиза и стала ждать продолжения. Разумеется, напрашиваться она не могла и очень рассчитывала на то, что Наташа, как всегда, скучает и пригласит ее в гости. Так и вышло.

– Заходи! – почти обрадовалась та. – Я одна пока, предков нет.

И Лиза с облегчением вздохнула. Через десять минут она уже сидела в знакомой комнате, за маленьким столиком, и Наташа наливала ей пиво в высокий стеклянный стакан, не отличающийся чистотой.

Хозяйка суежилась, придвигала пепельницу, ставила на стол соленые орешки и печенье и старалась не смотреть Ли-

зе в глаза. Зато Лиза рассматривала ее беззастенчиво. Никакой робости она не ощущала и даже как будто забыла, зачем сюда явилась. А посмотреть было на что. Наташа сильно изменилась, и не в лучшую сторону. Нет, это было все то же смазливое круглое личико, глуповатые глаза с намазанными ресницами, крохотный ротик с пухлой нижней губой... Но все – такое поношенное, такое опустившееся, словно подруга провела последний год на улице, без крыши над головой и без возможности принять ванну. Но прическа, маникюр – на прежнем уровне, даже еще более экстравагантном. Лиза удивлялась и не знала, что подумать. Она даже пожалела Наташу. «Постарела лет на десять! – думала она. – И какие темные круги под глазами, и несвежая кожа, и какой усталый вид... Что с ней?» Наташа, как обычно, была в туфельках без задников, на огромном каблуке, и в коротеньком ярком халатике. Расставив на столе все необходимое, она плюхнулась в кресло напротив Лизы и наконец посмотрела прямо на нее.

– Ну, как дела? – спросила она неожиданно хрипловатым голосом, потянувшись за сигаретами... Девушки вместе закурили, и Лиза в ответ пожала плечами:

– Как сажа бела. Да ты ведь все знаешь, верно? Мы развелись, живу одна, денег нет, работы нет, ни хрена нет.

– А выглядишь здорово, – признала Наташа и пустила из покрашенных губ узкую струйку дыма. – Значит, тебе это только на пользу.

– Не уверена. А ты что поделываешь?

Наташа нервно хихикнула, поменяла позу, свернувшись в кресле калачиком, туфли упали с ее ног на пол, громко стукнули каблуки.

– Хиппую, – ответила она и, поймав удивленный взгляд Лизы, пояснила: – Нет, не по-настоящему, но, в общем, вроде того... Жизнь пошла паршивая.

– Неужели? А как же твои родители? Плохо зарабатывают? – Лиза забеспокоилась: ведь если материальное положение Наташи ухудшилось, то она зря сюда пришла. Часы она пока решила не показывать.

– Родители... – презрительно протянула та. – Все из-за них и произошло! Нет, зарабатывают они прилично, мать особенно, она всегда была деловая... Но мне-то ничего не дают! Ни гроша!

Она похлопала себя по карманам халата, тяжело вздохнула и снова запыхала сигаретой. Лиза разочарованно уставилась на пепельницу. Весь план снова полетел к черту. Неужели так трудно избавиться от шикарных часов в Москве, где у многих людей огромное количество лишних денег?! Она просто не так берется, не там ищет... И совершенно ненужным оказывался этот визит к надоевшей подруге. Лиза очень бы хотела встать и уйти, но Наташа, оживившись, продолжала болтать и останавливаться пока не собиралась.

– Мать совсем обнаглела! – говорила она, прихлебывая пиво и играя подведенными глазами. Вид она имела отталкивающий и жалкий. Лиза слушала ее вполуха, отвечала ко-

роткими междометиями. – Раньше как было? Я просто говорила: «Мама, мне нужна юбка». Она спрашивала, сколько стоит, я отвечала – сто долларов. Мать давала сто, я покупала юбку за семьдесят, и тридцать ложились в карман. Теперь! – Она помотала головой. – Не понимаю, жалко ей, что ли?! Говорю, нужна вещь! Она мне – обойдешься! Представляешь, ничего мне не дает, совсем ничего! Говорит – полные шкафы барахла, носи то, что есть. Идиотка!

– Она просто решила навести экономию, – лениво ответила Лиза. – Подумаешь, бывает.

– Да она просто хочет меня со света сжить, – злобно отрезала Наташа. – Обращается как с сопливой девочкой!

«А как ей еще с тобой обращаться? – подумала Лиза, рассматривая подругу. – Мозгов-то у тебя не больше, чем у младенца». А та продолжала:

– На днях говорю ей: «У меня нет осенних сапог». Я, знаешь, хотела такие, из тонированной кожи, с эффектом потертости... Видела просто потрясающие, и без пятки, сзади ремешок. – Наташа вытянула ногу и быстрыми движениями обрисовала на ней контуры этого чуда. – Ну, поняла?! Дырка на пятке, носится с тонкими чулками, с юбкой а-ля ковбой. Знаешь, что она мне сказала?! Что это проституточные сапоги.

«Правильно она тебе сказала, – размышляла Лиза. – Только странно, где же раньше была твоя мама? Не видела, как ты одеваешься, как себя ведешь?! Поздно она за тебя при-

нялась...»

– И заявила, что сапоги купит, только мы вместе пойдем в магазин... – жаловалась Наташа. – Мы пошли, и она захотела купить мне... – Она поморщилась. – Ну, самые простецкие. Я ее послала, а она сказала – вообще сапог не купит, буду сидеть дома! И так во всем! Если мне что-то действительно надо, она заставляет меня идти в магазин с ней и сама выбирает. Чума!

Наташа допила пиво, встала, порылась в шкафу, вытащила из-под груды нестираных вещей две новые бутылки, откупорила их. Лиза почему-то передернулась – она не могла видеть захламленные шкафы. Это напомнило ей, зачем она сюда пришла, и она осторожно попыталась свернуть разговор в нужное русло:

– Ну а как же ты обходишься с деньгами?

– Хреново. Вот видишь пиво? Я его тайком покупаю, потому что если мать узнает... «Сухой закон»! Отец не пьет, мать не пьет, и мне не дают, ничего не дают, кроме пепси. Все приходится прятать – пиво, сигареты, как маленькой, честное слово... Еще плохо, если она найдет, устроит разборку – откуда деньги?!

– Ну и откуда же? – словно между прочим поинтересовалась Лиза.

– Если скажу, обхохочешься... – грустно ответила Наташа. – Я продаю свои шмотки.

– Серьезно? – Лиза так и подалась вперед. – Кому?

– Какая тебе разница... – Наташа явно не собиралась откровенничать на эту тему, может быть, ей просто было стыдно признаться в своем безденежье. – Есть одна девка...

– Старые вещи продаешь или новые? – не отставала Лиза.

– Всякие. Да мои старые вещи – почти что новые, ты же знаешь, как я их носила... Один-два раза надену, потом в шкаф вешаю. А мать их никогда не считала, слава богу, не замечает, когда чего-то нет. Как это она не додумалась мне опись сделать? – Наташа издевательски подняла плечи. – Каждый вечер проверяла бы, чего не хватает... Тогда бы мне точно хана! Так-то она меня кормит, и на парикмахерскую дает, и на маникюр... А вот с деньгами – кранты!

– Ясно... Значит, существуешь за счет прошлой роскоши?

– Можно и так сказать. Хотя какая там роскошь! – Наташа тяжело вздохнула. – Все – вчерашний день. Нет, вещи есть неплохие... Еще проблема – мой рост. У меня же почти детский, неходовой...

– Ну и что? Маленьких женщин полно, – возразила Лиза.

– Полно-то полно, да все равно неходовой размер – это плохо.

– А как она покупает у тебя шмотки? За наличные, или ты ждешь, пока она их продаст?

– Когда как. Иногда сразу платит, если вещь стоящая, не залежится, иногда я жду несколько дней...

– То есть за несколько дней она точно может продать любую вещь?

– Наверное. Я ведь не интересовалась! Она мне сразу говорит – приходи завтра или через три дня. Я и прихожу. Слава богу, пока из дома могу выходить, когда хочу. Мать грозит, что скоро совсем не будет выпускать.

На этот раз Лиза уловила, наконец, нечто необычное в том, что рассказывала Наташа, и перебила ее:

– Постой, а почему она за тебя так принялась? Что случилось?

– Муму утопилась... – мрачно сказала та. – Да ничего не случилось, чепуха, так!

– Нет, так не бывает. Например, моя мать никогда не приставала ко мне без повода. Я обязательно что-то откалывала. А твоя вроде всегда тебя любила... Ничего не понимаю! Что ты должна была сделать, чтобы она стала тебя терроризировать?!

Наташа схватила сигарету, зажгла ее и уставилась прямо перед собой. Потом, растягивая слова, как всегда в минуты волнения, сказала:

– На самом-то деле чепуха! Не стоит такого шума! Но мать такая правильная оказалась, что я прямо не знаю... Если бы я знала, никогда бы... – Она запнулась, и Лиза ее подбодрила:

– Ну?!

– Что «ну»?! Аборт я сделала.

– У-у-у, – прогудела Лиза и широко распахнула глаза. – Ничего себе... Ты даешь! А если не секрет, кто отец?

– Откуда мне знать? – резко ответила Наташа. – Ну что вылупилась? Не узнала меня?! И ты туда же?! Какие все правильные, скажите пожалуйста!

– Да ничего я тебе не говорю... – попыталась остановить ее Лиза, но та не слушала:

– Тебе просто повезло, дурочка! Олег тебя берег, любил... Я-то знаю! Помнишь, мы с тобой поссорились из-за него? Ну и зря поссорились, у нас ничего не было, я хотела, чтобы было, а он – нет. Так что насчет меня можешь быть спокойна. А зачем я тебя тогда дразнила – сама не знаю. Наверное, просто злилась, что ты его увела из-под носа. Ты, Лизка, вообще блаженная, ничего в мужиках не понимаешь! А они – свиньи, свиньи, свиньи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.